

3 КЛАССИЧЕСКИЕ ДЕТСКИЕ ИСТОРИИ ИЗ

АРАБСКИЕ НОЧИ

Происхождение: неизвестно

Отредактировано и пересказано Уильямом Паттенем

Эта электронная книга
составлена: <http://www.freekidsbooks.org>

Просто предоставляйте отличные бесплатные детские книги для всех, чтобы ими можно было делиться и наслаждаться — без каких-либо условий.

Материал, содержащийся в книге, является общественным достоянием и не подлежит

Авторские права.

Вы можете поделиться этим материалом — пожалуйста, дайте ссылку и направьте людей на оригинальный пост на нашем сайте.

Оглавление

О АРАБСКИХ НОЧАХ.....	3	АЛИ БАБА И СОРОК	
РАЗБИРОВ.. ..	4	ИСТОРИЯ АЛАДДИНА; ИЛИ ЧУДЕСНАЯ	
ЛАМПА.....	19	СИНДБАД МОЛЯК.	48
ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.....	49	ВТОРОЕ	
ПУТЕШЕСТВИЕ.....	52	ТРЕТЬЕ	
ПУТЕШЕСТВИЕ.....	55	ЧЕТВЕРТОЕ	
ПУТЕШЕСТВИЕ.....	58	ПЯТОЕ	
ПУТЕШЕСТВИЕ.....	61	ШЕСТОЕ	
ПУТЕШЕСТВИЕ.....	64	СЕДЬМОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ	
ПУТЕШЕСТВИЕ.....	68		

ОБ АРАБСКИХ НОЧАХ

У всех народов есть свои сказки, но Индия, кажется, была страной, из которой все они отправились, путешествуя с профессиональными рассказчиками, которые поддерживали жизнь сказок по всей Азии. Сегодня в Багдаде и Каире в этом кафе никогда не бывает недостатка в посетителях, где слепой рассказчик рассказывает зачарованным арабам какую-нибудь главу из бессмертных «Тысячи и одной ночи», короля всех чудесных книг.

Никто не знает, где были написаны сказки, кроме того, что они вышли из Дальнего Востока, Индии, Аравии и Персии. Гарун аль-Рашид, которого звали Справедливым, был настоящим восточным монархом, жившим в Багдаде более одиннадцати веков назад, примерно в то же время, когда Карл Великий был королем Франции. Мы можем поверить, что сказки очень старые, но самое большее, что мы знаем, это то, что они были переведены с арабского языка на французский в 1704-1717 годах французом по имени Галланд, и что рукопись его перевода хранится во Французской национальной библиотеке.

Американские мальчики впервые получили возможность прочитать заметки на английском языке о том времени, когда был избран президент Монро.

АЛИ БАБА И СОРОК РАЗБОЙНИКОВ

Жили-были в персидском городе два брата, одного звали Кассим, а другого Али-Баба. Их отец разделил между ними небольшое наследство поровну. Кассим женился на очень богатой жене и стал богатым купцом. Али-Баба женился на такой же бедной женщине, как и он сам, и жил тем, что рубил дрова и возил их на трех ослах в город для продажи.

Однажды, когда Али-Баба был в лесу и только что нарубил дров, чтобы нагрузить своих ослов, он увидел вдали большое облако пыли, которое, казалось, приближалось к нему. Он внимательно наблюдал за ним и вскоре заметил группу всадников, которые, как он подозревал, могли быть грабителями. Он решил оставить свои задницы, чтобы спасти себя. Он взобрался на большое дерево, посаженное на высокой скале, чьи ветви были достаточно толстыми, чтобы скрыть его, но в то же время позволяло ему видеть все, что проходило незаметно.

Войско, численностью до сорока, все хорошо вооруженные и конные, подошли к подножию скалы, на которой стояло дерево, и там спешились. Каждый разнуздал свою лошадь, привязал ее к какому-нибудь кусту и повесил ему на шею мешок с зерном, который они привезли с собой. Затем каждый из них снял свою седельную сумку, которая показалась Али-Бабе от своего веса полной золотом и серебром. Один, которого он принял за их капитана, подошел к дереву, в котором прятался Али-Баба; и, пробираясь через какие-то кусты, произнес эти слова: «Открой, Сезам!» Как только начальник разбойников сказал это, в скале открылась дверь; и после того, как он заставил весь свой отряд войти перед собой, он последовал за ними, когда дверь снова закрылась сама собой.

Грабители оставались в скале некоторое время, в течение которого Али-Баба, опасаясь быть пойманным, оставался на дереве.

Наконец дверь снова открылась, и, поскольку капитан вошел последним, он вышел первым и остановился, чтобы посмотреть, как все проходят мимо него; когда Али-Баба услышал, как он закрыл дверь, произнес эти слова: «Закрой, Сезам!» Все сразу пошли, взнуздали коня, застегнули кошелек и снова сели на него. Когда капитан увидел, что все они готовы, он встал впереди них, и они вернулись тем же путем, которым пришли.

Али-Баба проследил за ними взглядом, насколько мог их видеть, а затем задержался на значительное время, прежде чем спуститься. Вспоминая слова капитана разбойников, заставляющие дверь открываться и закрываться, он имел любопытство попробовать, будет ли его произнесение их иметь тот же эффект.

Соответственно, он прошел среди кустов и, увидев спрятанную за ними дверь, встал перед ней и сказал: «Открой, Сезам!» Дверь мгновенно распахнулась настежь.

Али-Баба, ожидавший темной мрачной пещеры, был удивлен, увидев хорошо освещенную и просторную комнату, в которую проникал свет из отверстия на вершине скалы, и в которой были всевозможные провизии, богатые тюки шелка, материи, парчи и ценных ковров, сложенных друг на друга, золотых и серебряных слитков

большими кучами, а деньги в мешках. Вид всех этих богатств навел его на мысль, что эта пещера, должно быть, веками была занята грабителями, которые сменяли друг друга.

Али-Баба смело вошел в пещеру и собрал столько золотых монет, которые были в мешках, сколько, по его мнению, могли унести его три осла. Когда он нагрузил их мешками, то накрыл их дровами так, что их не было видно. Когда он входил и выходил столько раз, сколько хотел, он стоял перед дверью и произносил слова: «Заткнись, Сезам!» дверь закрылась сама собой. Затем он сделал все возможное, чтобы добраться до города.

Когда Али-Баба вернулся домой, он загнал своих ослов в маленький дворик, очень тщательно закрыл ворота, сбросил доски, закрывавшие корзины, внес сумки в дом и расставил их по порядку перед женой. Затем он опорожнил мешки, из которых поднялась такая большая куча золота, что ослепила глаза его жены, а затем рассказал ей все приключение от начала до конца и, главное, порекомендовал ей сохранить это в тайне.

Жена очень радовалась их счастью и пересчитывала все золото по крупицам. «Жена, — ответил Али-Баба, — ты не знаешь, что берешься делать, когда притворяешься, что считаешь деньги; ты никогда этого не сделаешь. Я вырою яму и закопаю ее. Нельзя терять время». «Вы правы, муж», ответила она; «Но дайте нам знать как можно ближе, сколько у нас есть. Я одолжу маленькую мерку и измерю ее, пока вы копаете яму».

Жена побежала к своему зятю Кассиму, жившему неподалеку, и, обратившись к его жене, попросила ее одолжить ей на некоторое время меру. Ее невестка спросила ее, будет ли она большой или маленький. Другой попросил маленькую. Она попросила ее остаться немного, и она охотно принесет один.

Невестка так и сделала, но, зная бедность Али-Бабы, ей было любопытно узнать, какое зерно хочет отмерить его жена, и, искусно насыпав на дно мерки немного сала, она принесла его ей. под предлогом того, что ей жаль, что она заставила ее остаться так долго, но что она не могла найти его раньше.

Жена Али-Бабы пошла домой, положила меру на кучу золота, наполнила ее и часто опорожняла на диван, пока не закончила, когда она была очень довольна, обнаружив, что количество мер равняется тому количеству, которое они составляли. , и пошла сказать мужу, который уже почти кончил копать яму. Пока Али-Баба закапывал золото, его жена, чтобы показать невестке свою аккуратность и усердие, снова отнесла мерку, не заметив, что на дне прилипла золотая монета. «Сестра, — сказала она, снова отдавая ей, — видишь ли, я недолго хранила твою меру. Я благодарна тебе за нее и возвращаю с благодарностью».

Как только жена Али-Бабы ушла, жена Кассима взглянула на дно мерки и с невыразимым удивлением обнаружила, что к нему прилип кусок золота. Зависть сразу же овладела ее грудью. "Что!" — спросила она. — Неужели у Али-Бабы столько золота, что его можно измерить? Откуда у него все это богатство?

Кассим, ее муж, был в своей конторе. Когда он пришел домой, его жена сказала ему: «Касим, я знаю, что ты считаешь себя богатым, но Али-Баба бесконечно богаче тебя. Он не считает свои деньги, а измеряет их». Кассим попросил ее объяснить загадку, что она и сделала, рассказав ему о хитрости, которую она использовала, чтобы сделать открытие, и показала ему денежную монету, которая была настолько старой, что нельзя было сказать, во времена правления какого принца она была отчеканена.

Кассим, после того как женился на богатой вдове, никогда не относился к Али-Бабе как к брату, а пренебрегал им; и теперь, вместо того, чтобы радоваться, он возымел подлую зависть к процветанию своего брата. Он не мог уснуть всю эту ночь и пошел к нему утром до восхода солнца. «Али-Баба, — сказал он, — я удивляюсь тебе! Ты притворяешься ужасно бедным, а измеряешь золото. Моя жена нашла это на дне мерки, которую ты одолжил вчера».

Из этой речи Али-Баба понял, что Кассим и его жена, по глупости его собственной жены, знали то, что у них было так много причин скрывать; но то, что было сделано, не могло быть отменено. Поэтому, не выказывая ни малейшего удивления или беспокойства, он во всем сознался и предложил брату часть своего сокровища, чтобы сохранить тайну.

"Я ожидаю того же," высокомерно ответил Кассим; -- Но я должен точно знать, где находится это сокровище и как я могу посетить его сам, когда захочу; иначе я пойду и донесу на тебя, и тогда ты не только не получишь больше, но потеряешь все, что имеешь, и Я буду иметь долю для моей информации".

Али-Баба сказал ему все, что он желал, вплоть до самых слов, которые он должен был использовать, чтобы получить доступ в пещеру.

На следующее утро Кассим встал задолго до восхода солнца и отправился в лес с десятью мулами, несущими большие сундуки, которые он намеревался наполнить, и пошел по дороге, которую указал ему Али-Баба. Вскоре он достиг скалы и нашел место по дереву и другим знакам, которые дал ему его брат. Когда он достиг входа в пещеру, он произнес слова: «Открой, Сезам!» Дверь тут же открылась, а когда он вошел, закрылась за ним. Осмотрев пещеру, он пришел в большое восхищение, обнаружив гораздо больше богатств, чем ожидал от родственника Али-Бабы. Он быстро положил столько мешков с золотом, сколько смог унести, у входа в пещеру; но его мысли были так полны великих богатств, которыми он должен был обладать, что он не мог придумать нужного слова, чтобы открыть его, и вместо «Сезам» сказал: «Открой, Ячмень!» и был очень поражен, обнаружив, что дверь остается плотно закрытой.

Он назвал несколько сортов зерна, но дверь все не открывалась.

Кассим никак не ожидал такого происшествия и был так встревожен опасностью, в которой он находился, что чем больше он старался вспомнить слово «Сезам», тем больше его память путалась, и он так же забыл его, как если бы никогда не слышал об этом, он бросил сумки, которыми нагрузил себя, и рассеянно прошелся взад и вперед по пещере, не обращая ни малейшего внимания на богатства, которые были вокруг него.

Около полудня разбойники посетили их пещеру. На некотором расстоянии они увидели мулов Кассима, бродивших по скале с большими сундуками на спинах. Встревоженные этим, они на полной скорости поскакали к пещере. Они прогнали мулов, которые

забрели по лесу так далеко, что вскоре скрылись из виду, и направились прямо, с обнаженными саблями в руках, к двери, которая, как только их капитан произнес надлежащие слова, тотчас же отворилась.

Кассим, услышав топот лошадей, тотчас же догадался о прибытии грабителей и решил сделать одну попытку спасти свою жизнь. Он бросился к двери, и едва увидел, что дверь отворилась, как выбежал и повалил главаря на землю, но не смог спастись от других разбойников, которые своими циметрами вскоре лишили его жизни.

Первой заботой разбойников после этого было осмотреть пещеру. Они обнаружили, что все сумки, принесенные Кассимом к двери, готовы загрузить его мулов, и снова отнесли их на свои места, но они не упустили того, что Али-Баба забрал раньше. Затем, собрав совет и обсудив это происшествие, они догадались, что Кассим, когда он был внутри, не мог снова выйти, но не могли себе представить, как он выучил тайные слова, с помощью которых он мог войти. Они не могли отрицать факт его пребывания там; и, чтобы напугать любого человека или сообщника, который попытается сделать то же самое, они согласились разрезать тело Кассима на четыре части - повесить две с одной стороны и две с другой в дверях пещеры. Они не успели принять это решение, как привели его в исполнение; и когда им больше нечего было задерживать, они оставили место своих кладов хорошо закрытым. Они сели на лошадей, снова отправились прокладывать дороги и нападать на караваны, которые могли встретить.

Между тем жена Кассима очень беспокоилась, когда наступила ночь, а муж не вернулся. В большой тревоге она подбежала к Али-Бабе и сказала: «Я полагаю, шурин, что ты знаешь, что Кассим ушел в лес, и по какой причине; сейчас ночь, а он не вернулся; боится, что с ним случилось какое-нибудь несчастье». Али-Баба сказал ей, что ей нечего пугаться, потому что Кассим определенно не сочтет уместным приходить в город до наступления ночи.

Жена Кассима, принимая во внимание, как сильно заботило ее мужа сохранение деловой тайны, тем легче было убедить поверить своему шурину.

Она снова пошла домой и терпеливо ждала до полуночи. Тогда ее страх удвоился, и ее горе было тем более ощутимым, что она была вынуждена держать его в себе. Она раскаялась в своем глупом любопытстве и проклинала свое желание совать нос в дела брата и невестки. Всю ночь она провела в слезах; и, как только настал день, пошла к ним, рассказав им со слезами о причине своего прихода.

Али-Баба не стал ждать, пока его невестка попросит его пойти посмотреть, что стало с Кассимом, а немедленно ушел со своими тремя ослами, умоляя ее первую умерить ее горе. Он пошел в лес и, подойдя к скале, не увидев ни брата, ни мулов на своем пути, серьезно встревожился, увидев возле двери пролитую кровь, что принял за дурное предзнаменование; но когда он произнес это слово и дверь отворилась, он ужаснулся при виде мрачного вида тела своего брата. Он не замедлил сообразить, как отдать последний долг своему брату; но, не говоря о малой братской привязанности, которую он проявил к нему, вошел в

пещеру, чтобы найти что-нибудь, чтобы окутать его останки; и, нагрузив ими одного из своих ослов, покрыл их дровами. Двух других ослов он нагрузил мешками с золотом, покрыв их, как и прежде, деревом; а затем, закрыв дверь, ушел; но был так осторожен, что остановился на некоторое время в конце леса, чтобы не войти в город до наступления ночи. Вернувшись домой, он загнал двух ослов, нагруженных золотом, в свой дворик и поручил выгрузку их жене, а другого повел в дом своей невестки.

Али-Баба постучал в дверь, которую открыла Моргiana, умная, интеллигентная рабыня, плодотворная на изобретения, чтобы встретить самые трудные обстоятельства. Войдя во двор, он выгрузил осла и, отведя Моргiana в сторону, сказал ей: «Ты должна соблюдать нерушимую тайну. В этих двух корзинах лежит тело твоего господина. Мы должны похоронить его так, как если бы он умер естественной смертью» . смерть. Теперь иди и скажи своей госпоже.

Али-Баба помог перенести тело в дом Кассима, снова порекомендовал Моргiane хорошо сыграть свою роль, а затем вернулся со своей задницей.

На следующее утро Моргiana пошла к аптекарю и попросила какую-то пастилку, которая считалась действенной при самых опасных расстройствах. Аптекарь спросил, кто болен. Она ответила со вздохом, что ее добрый хозяин, сам Кассим, и что он не может ни есть, ни говорить. Вечером Моргiana снова пошла к тому же аптекарю и со слезами на глазах попросила эссенцию, которую давали больным только в крайнем случае. "Увы!" — сказала она, беря лекарство у аптекаря. — Боюсь, что это лекарство подействует не лучше, чем леденцы, и что я потеряю своего доброго хозяина.

С другой стороны, так как Али-Баба и его жена в течение всего дня часто ходили между домом Кассима и их собственным домом и казались меланхоличными, никто не удивился вечером, услышав прискорбные вопли и вопли жены Кассима и Моргiana. которая повсюду выдавала, что ее хозяин мертв. На следующее утро, на рассвете, Моргiana подошла к старому сапожнику, который, как она знала, всегда рано приходил к своему ларьку, и, пожелав ему доброго утра, вложила ему в руку кусок золота, сказав: «Баба Мустафа, ты должен взять с собой свои швейные принадлежности и пойдем со мной, но я должен сказать тебе, что я завяжу тебе глаза, когда ты придешь в такое место» .

Баба Мустафа, казалось, немного заколебался при этих словах. "Ой ой!" — ответил он. — Вы должны заставить меня сделать что-нибудь против моей совести или против моей чести? -- Не дай бог, -- сказала Моргiana, кладя ему в руку еще одну золотую монету, -- чтобы я просила о чем-нибудь, что противоречит вашей чести! Только идите со мной и ничего не бойтесь.

Баба Мустафа отправился с Моргianой, которая после того, как она завязала ему глаза платком в указанном ею месте, отнесла его в дом своего покойного хозяина и так и не развязала ему глаза, пока он не вошел в комнату, где она собрала труп. .

«Баба Мустафа, — сказала она, — ты должен поторопиться и сшить части этого тела вместе, и когда ты сделаешь это, я дам тебе еще один кусок золота» .

После того, как Баба Мустафа закончил свою работу, она снова завязала ему глаза, дала ему третью золотую монету, как и обещала, и порекомендовав ему хранить тайну, отнесла его обратно к тому месту, где она сначала завязала ему глаза, сняла повязку и отпустил его домой, но следил за ним, чтобы он вернулся к своему стойлу, пока он совсем не скрылся из виду, опасаясь, что у него появится любопытство вернуться и увернуться от нее; затем она пошла домой. Моргiana, вернувшись, согрела немного воды, чтобы омыть тело, и в то же время Али-Баба надушил его благовониями и завернул в погребальную одежду с обычными церемониями. Вскоре после этого соответствующий офицер принес носилки, и когда служители мечети, чьей обязанностью было омовение мертвых, предложили выполнить свой долг, она сказала им, что это уже сделано. Вскоре после этого прибыли иман и другие служители мечети. Четверо соседей отнесли труп к могильнику вслед за имауном, который прочитал несколько молитв. Али-Баба шел следом с несколькими соседями, которые часто помогали другим нести гроб к месту захоронения. Моргiana, рабыня покойного, следовала за процессией, плача, била себя в грудь и рвала на себе волосы. Жена Кассима осталась дома в трауре, издавая жалобные крики с соседскими женщинами, пришедшими, по обычаю, во время похорон, и, присоединив к ней свои причитания, наполнили всю округу звуками

печаль.

Таким образом, меланхолическая смерть Кассима была скрыта и замята между Али-Бабой, его вдовой, и Моргianой, его рабыней, с таким изощренным ухищрением, что никто в городе не знал и не подозревал о причине ее смерти. Через три или четыре дня после похорон Али-Баба открыто перевез свое немногочисленное имущество в дом своей невестки, в котором было условлено, что он должен жить в будущем; но деньги, которые он взял у разбойников, он перенес туда ночью. Что касается склада Кассима, то он полностью передал его в управление своему старшему сыну.

Пока все это делалось, сорок разбойников снова посетили свое убежище в лесу. Велико же было их удивление, когда они обнаружили, что тело Кассима увезли вместе с несколькими мешками с золотом. "Нас определенно обнаружили," сказал капитан. «Вывоз тела и потеря части наших денег ясно показывают, что у человека, которого мы убили, был сообщник, и ради нашей собственной жизни мы должны попытаться найти его. Что скажете, мои ребята?»

Все разбойники единодушно одобрили предложение капитана.

-- Что ж, -- сказал капитан, -- один из вас, самый смелый и искусный из вас, должен отправиться в город, переодевшись путником и чужеземцем, и попробовать, не слышит ли он разговоров о человеке, которого мы убили. , и попытаться выяснить, кем он был и где он жил. Это дело первостепенной важности, и из опасения любого предательства, я предлагаю, чтобы кто бы ни взялся за это дело без успеха, даже если неудача возникает только из-за ошибки суда, понесут смерть» .

Не дожидаясь настроения своих товарищей, один из разбойников вскочил и сказал: «Я подчиняюсь этому условию и считаю за честь подвергать свою жизнь служению войску» .

После того как этот разбойник получил большие похвалы от капитана и его товарищей, он переоделся, чтобы никто не принял его таким, какой он есть; и, попрощавшись в ту ночь с отрядом, пошел в город как раз на рассвете и ходил взад и вперед, пока случайно не наткнулся на лоток Бабы Мустафы, который всегда был открыт перед любым из магазинов.

Баба Мустафа сидел с шилом в руке и собирался работать.

Разбойник приветствовал его, желая ему доброго утра; и, заметив, что он стар, сказал: «Честный человек, вы начинаете работать очень рано: возможно ли, чтобы человек в вашем возрасте так хорошо видел? ."

"Вы не знаете меня," ответил Баба Мустафа; «Я стар, но у меня необычайно хорошие глаза, и вы не усомнитесь, когда я скажу вам, что я сшил тело мертвого человека в месте, где у меня было не так много света, как сейчас» .

"Мертвое тело!" — воскликнул разбойник с притворным изумлением. "Да, да," ответил Баба Мустафа; — Я вижу, ты хочешь, чтобы я высказалась, но больше ты ничего не узнаешь.

Грабитель был уверен, что нашел то, что искал. Он вытащил кусок золота и, вложив его в руку Бабы Мустафы, сказал ему: «Я не хочу знать твою тайну, хотя могу предположить, что ты можешь смело доверить ее мне. Единственное, чего я желаю от тебя показать мне дом, где вы зашили труп» .

«Если бы я был расположен оказать вам эту услугу, — ответил Баба Мустафа, — уверяю вас, я не могу. Меня отвели в определенное место, откуда с завязанными глазами привели в дом, а затем таким же образом вернули обратно; поэтому вы видите, что я не могу сделать то, что вы желаете» .

-- Ну, -- ответил разбойник, -- вы, однако, кое-что помните из того пути, по которому вас вели с завязанными глазами. Пойдемте, я ослеплю вам глаза на том же месте. Мы пойдем вместе; может быть, вы узнаете какую-нибудь часть; а так как всем надо платить за свои хлопоты, то вот вам еще одна золотая монета; удовлетворите меня тем, о чем я вас прошу» . Сказав это, он вложил в руку еще один кусок золота.

Два куска золота были большим искушением для Бабы Мустафы. Он долго смотрел на них в руке, не говоря ни слова, но, наконец, вытащил свой кошелек и сунул их туда. «Не могу обещать, — сказал он разбойнику, — что точно запомню дорогу; раз вы желаете, я попробую, что я могу сделать» . При этих словах Баба Мустафа встал, к великой радости разбойника, и подвел его к тому месту, где Моргана завязала ему глаза. «Это было здесь, — сказал Баба Мустафа, — у меня были завязаны глаза, и я повернул сюда» . Грабитель завязал себе глаза платком и прошел мимо него, пока они не остановились прямо у дома Кассима, где тогда жил Али-Баба. Вор, прежде чем снять ленту, отметил дверь мелом, который был у него наготове.

а потом спросил его, знает ли он, чей это дом; на что Баба Мустафа ответил, что, поскольку он не живет в этом районе, он не может сказать.

Грабитель, обнаружив, что больше ничего не может узнать от Бабы Мустафы, поблагодарил его за предпринятые им усилия и оставил его возвращаться в свою стойло, а сам вернулся в лес, убежденный, что его очень хорошо примут.

Вскоре после того, как грабитель и Баба Мустафа расстались, Моргана вышла из дома Али-Бабы по какому-то делу и, вернувшись, увидев след, сделанный грабителем, остановилась, чтобы посмотреть на него. «Что может означать этот знак?» сказала она себе; «кто-то не желает моему господину ничего хорошего: однако, с каким бы намерением это ни было сделано, желательно остерегаться худшего».

Поэтому она принесла кусок мела и таким же образом отметила две или три двери с каждой стороны, не сказав ни слова ни хозяину, ни хозяйке.

Тем временем разбойник присоединился к своему отряду в лесу и рассказал им о своем успехе, рассказывая о том, как ему повезло так скоро встретить единственного человека, который мог сообщить ему то, что он хотел знать. Все разбойники слушали его с величайшим удовольствием; когда капитан, оценив его усердие, обратился ко всем им и сказал: «Товарищи, мы не можем терять времени: давайте отправимся во всеоружии, чтобы не было видно, кто мы такие, но чтобы мы не могли возбудить никаких подозрений, пусть только один или два отправятся в город вместе и присоединятся к нашему свиданию, которое будет большой площадью, а пока наш товарищ, который принес нам хорошие новости, и я пойдем и отыщу дом, чтобы мы могли посоветоваться что лучше всего сделать».

Эта речь и план были одобрены всеми, и вскоре они были готовы. Через некоторое время они выстроились группами по двое и проникли в город, не вызывая ни малейшего подозрения. Капитан и тот, кто посетил город утром как шпион, пришли последними. Он вывел капитана на улицу, где он отметил резиденцию Али-Бабы; и когда они подошли к первому из отмеченных Морганой домов, он указал на него. Но капитан заметил, что следующая дверь была написана мелом таким же образом и на том же месте; и, показав его своему проводнику, спросил его, какой это дом, тот или первый. Проводник был так сбит с толку, что не знал, что ответить, но еще больше смутился, когда вместе с капитаном увидел пять или шесть домов с одинаковыми обозначениями. Он заверил капитана с клятвой, что отметил только один, и не может сказать, кто мелом остальные, так что он не мог различить дом, в котором остановился сапожник.

Капитан, обнаружив, что их замысел не удался, направился прямо к месту встречи и сказал своему отряду, что они потеряли свой труд и должны вернуться в свою пещеру. Он сам подал им пример, и все они вернулись, как и пришли.

Когда весь отряд собрался, капитан рассказал им причину их возвращения; и в настоящее время дирижер был объявлен всеми достойными смерти. Он осудил себя, признав, что ему следовало бы лучше предостеречься, и приготовился принять удар от того, кому было приказано отрубить ему голову. Но так как безопасность отряда требовала обнаружения второго незваного гостя в пещеру, еще одного члена банды, который пообещал себе, что он

если бы он преуспел лучше, представился, и, когда его предложение было принято, он пошел и развратил Бабу Мустафу, как это сделал другой; и, когда ему показали дом, отметил его в более удаленном от глаз месте красным мелом.

Вскоре после этого Моргана, от глаз которой ничто не могло ускользнуть, вышла на улицу и, увидев красный мел, споря сама с собой, как прежде, отметила дома других соседей в том же месте и таким же образом.

Грабитель, вернувшись к своей компании, очень дорожил предпринятыми им предосторожностями, которые он считал безошибочным способом отличить дом Али-Бабы от других; и капитан, и все они думали, что это должно увенчаться успехом. Они вошли в город с той же предосторожностью, что и раньше; но когда разбойник и его капитан вышли на улицу, они столкнулись с той же трудностью; на что капитан пришел в ярость, а грабитель в таком же большом замешательстве, как и его предшественник.

Таким образом, капитан и его отряд были вынуждены удалиться во второй раз и гораздо более недовольны; а разбойник, виновник ошибки, подвергся тому же наказанию, которому добровольно подчинился.

Капитан, потеряв двух храбрецов из своего отряда, боялся слишком уменьшить его, следуя этому плану, чтобы получить информацию о резиденции их грабителя. На их примере он убедился, что их головы не так хороши, как их руки в таких случаях, и поэтому решил взять на себя важное поручение.

Поэтому он пошел и обратился к Бабе Мустафе, который оказал ему ту же услугу, что и другим разбойникам. Он не поставил на доме какой-либо особой отметки, но так внимательно осматривал и осматривал его, часто проходя мимо него, что не мог ошибиться.

Капитан, вполне довольный своей попыткой и получивший все, что хотел знать, вернулся в лес; и когда он вошел в пещеру, где его ждал отряд, он сказал: «Теперь, товарищи, ничто не может помешать нашей полной мести, так как я уверен в доме; и на моем пути сюда я думал, как положить его в исполнение, но если кто-нибудь может придумать лучший способ, пусть сообщит об этом» .

Затем он рассказал им о своем изобретении; и так как они одобрили это, приказали им отправиться в окрестные деревни и купить девятнадцать мулов и тридцать восемь больших кожаных кувшинов, один полный масла, а другие пустые.

Через два или три дня грабители купили мулов и кувшины, а так как горловины кувшинов были слишком узки для его целей, капитан приказал расширить их; и, посадив в каждый по одному из своих людей с оружием, которое он счел нужным, оставив открытым шов, который был расстегнут, чтобы дать им возможность дышать, он натер кувшины снаружи маслом из полного сосуда.

Когда все было подготовлено, когда девятнадцать мулов были загружены тридцатью семью разбойниками в кувшинах и кувшином масла, капитан, как их возница, отправился с ними и достиг города к вечерним сумеркам, как он намеревался. Он вел их по улицам, пока не пришел к Али-Бабе, в дверь которого он намеревался постучать; но ему помешало то, что он сидел там после ужина, чтобы

подышите немного свежим воздухом. Он остановил своих мулов, обратился к нему и сказал: «Я привез немного масла, чтобы продать его завтра на рынке, а сейчас так поздно, что я не знаю, где остановиться. беспокоит вас, сделайте мне одолжение, позволив мне провести ночь с вами, и я буду очень благодарен за ваше гостеприимство.

Хотя Али-Баба видел в лесу капитана разбойников и слышал его речь, узнать его в облики торговца нефтью было невозможно. Он сказал ему, что ему должны рады, и немедленно открыл ворота, чтобы мулы вошли во двор. В то же время он позвал раба и приказал ему, когда мулы были разгружены, поставить их в конюшню и накормить их; а затем пошел к Моргiane, чтобы предложить ей приготовить хороший ужин для его гостя. После того как они поужинали, Али-Баба, снова поручив Моргiane позаботиться о своей госте, сказал ей: «Завтра утром я собираюсь пойти в баню до наступления дня; позаботься о том, чтобы мое купальное белье было готово, отдай его Абдалле» . (так звали раба) и приготовь мне хорошего бульона, когда я вернусь» . После этого он пошел спать.

Между тем начальник разбойников вышел во двор, снял крышки с каждого кувшина и распорядился своим людям, что делать. Начав с первого кувшина и так до последнего, он сказал каждому мужчине: «Как только я выброшу несколько камней из окна камеры, где я лежу, не премините выйти, и я тотчас присоединюсь к вам. " После этого он вернулся в дом, когда Моргiana, взяв свечу, провела его в его комнату, где и оставила его; и он, чтобы избежать каких-либо подозрений, вскоре после этого погасил свет и лег в свою одежду, чтобы быть более готовым встать.

Моргiana, помня о приказе Али-Бабы, приготовила ему купальное белье и приказала Абдалле поставить кастрюлю для бульона; но пока она его готовила, лампа погасла, и не стало в доме ни масла, ни свечей. Что делать, она не знала, ибо надо сварить бульон. Абдалла, видя, что она очень встревожена, сказал: «Не беспокойся и не дразни себя, а пойдешь во двор и возьми немного масла из одного из кувшинов» .

Моргiana поблагодарила Абдаллу за совет, взяла масленку и вышла во двор; когда, когда она подошла к первому кувшину, грабитель внутри тихо сказал: «Не пора ли?»

Хотя, естественно, она была очень удивлена, обнаружив в кувшине мужчину вместо масла, которое она хотела, она сразу же почувствовала необходимость хранить молчание, поскольку Али-Баба, его семья и она сама были в большой опасности; и, собравшись с духом, не выказывая ни малейшего волнения, ответила: «Еще нет, а сейчас» . Таким образом она подошла ко всем кувшинам, давая один и тот же ответ, пока не подошла к кувшину с маслом.

Таким образом Моргiana узнала, что ее хозяин Али-Баба впустил в свой дом тридцать восемь грабителей и что этот мнимый торговец маслом был их капитаном. Она как можно быстрее наполнила свой кувшин с маслом и вернулась на кухню, где, как только зажгла лампу, взяла большой чайник, снова подошла к кувшину с маслом, наполнила чайник, поставила его на большом огне и, как только оно закипело, пошел и насыпал в каждый кувшин столько, чтобы задушить и уничтожить грабителя внутри.

Когда это действие, достойное мужества Морганы, совершилось без шума, как она и планировала, она вернулась на кухню с пустым чайником; и, потушив большой огонь, она вскипятила масло и, оставив ровно столько, чтобы приготовить похлебку, потушила также светильник и промолчала, решив не ложиться спать, пока не увидит, что может произойти через окно кухни, выходившее во двор.

Не успела она дожждаться, как капитан разбойников встал, отворил окно и, не найдя ни света, ни шума, ни какого-либо движения в доме, подал условный сигнал, бросая камешки, несколько из которых попали в кувшины, в чем он не сомневался по звуку, который они издавали. Затем он прислушался, но, не услышав и не заметив ничего, по чему можно было бы судить о том, что его спутники зашевелились, начал сильно беспокоиться, бросал камни во второй и в третий раз и не мог понять, почему никто из них не отвечает на его сигнал. . Очень встревоженный, он тихонько спустился во двор и, подойдя к первому кувшину, спросил разбойника, которого он считал живым, готов ли он, учуял запах горячего кипящего масла, от которого из кувшина шел пар. Поэтому он подозревал, что его заговор с целью убийства Али-Бабы и ограбления его дома был раскрыт. Осмотрев все кувшины, один за другим, он обнаружил, что вся его шайка мертва; и, разгневанный до отчаяния из-за того, что его замысел не удался, он взломал замок двери, ведущей со двора в сад, и, перелезая через стены, скрылся.

Когда Моргана увидела его уход, она легла спать, довольная и довольная тем, что ей так хорошо удалось спасти своего хозяина и семью.

Али-Баба встал еще до рассвета и в сопровождении своего раба пошел в баню, совершенно не подозревая о важном событии, произошедшем дома.

Когда он вернулся из бани, то очень удивился, увидев кувшины с маслом и что купец не ушел с мулами. Он спросил Моргану, открывшую дверь, о причине этого. «Добрый господин, — ответила она, — да хранит вас Бог и всю вашу семью. Вы будете лучше осведомлены о том, что хотите узнать, когда увидите то, что я должна вам показать, если вы последуете за мной» .

Как только Моргана закрыла дверь, Али-Баба последовал за ней, когда она попросила его заглянуть в первую банку и посмотреть, есть ли там масло. Али-Баба так и сделал и, увидев человека, встревожился и закричал. — Не бойся, — сказала Моргана, — человек, которого ты там видишь, не может причинить ни тебе, ни кому-либо другому никакого вреда. Он мертв. -- Ах, Моргана, -- сказал Али-Баба, -- что ты мне показываешь? Объясните себя." "Я буду," ответила Моргана. "Умерьте свое удивление, и не возбуждайте любопытство ваших соседей; ибо очень важно сохранить это дело в тайне. Загляните во все остальные банки» .

Али-Баба осмотрел все остальные кувшины, один за другим; и когда он подошел к тому, в котором было масло, обнаружил, что оно сильно утонуло, и некоторое время стоял неподвижно, то глядя на кувшины, то на Моргану, не говоря ни слова, так велико было его удивление.

Наконец, когда он пришел в себя, он сказал: «А что случилось с купцом?»

"Торговец!" ответила она; -- Он такой же человек, как и я. Я скажу вам, кто он и что с ним случилось, но вам лучше выслушать эту историю в вашей собственной комнате, ибо настало время для вашего здоровья, чтобы вы ели бульон после вашего купания» .

Затем Моргана рассказала ему обо всем, что она сделала, от первого наблюдения знака на доме до уничтожения грабителей и бегства их капитана.

Услышав об этих храбрых поступках из уст Морганы, Али-Баба сказал ей: «Бог с твоей помощью избавил меня от сетей, расставленных этими разбойниками для моей гибели. Поэтому я обязан тебе своей жизнью; и, в качестве первого знака моего признания, дайте вам свободу с этого момента, пока я не смогу завершить вашу компенсацию, как я намереваюсь ».

Сад Али-Бабы был очень длинным и затенялся в дальнем конце большим количеством больших деревьев. Рядом с ними он и раб Абдалла вырыли траншею, достаточно длинную и широкую, чтобы вместить тела грабителей; а так как земля была легка, то они не замедлили это сделать. Когда это было сделано, Али-Баба спрятал кувшины и оружие; а так как ему не нужны были мулы, то он посылал их в разное время, чтобы его раб продавал их на рынке.

Пока Али-Баба принимал эти меры, капитан сорока разбойников вернулся в лес с невыносимым огорчением. Он пробыл недолго: одиночество мрачной пещеры стало ему страшным. Однако он решил отомстить за судьбу своих товарищей и добиться смерти Али-Бабы. Для этого он вернулся в город и поселился у хана, а сам переоделся торговцем шелками. Под этим вымышленным именем он постепенно перенес из пещеры в свое жилище очень много разных богатых тканей и тонкого полотна, но со всеми необходимыми предосторожностями, чтобы скрыть место, откуда он их принес. Чтобы распорядиться товарами, когда он таким образом собрал их вместе, он занял склад, который оказался напротив склада Кассима, который сын Али-Бабы занимал после смерти своего дяди.

Он взял себе имя Когия Хусейн и, как новичок, был, по обычаю, чрезвычайно вежлив и услужлив со всеми соседними купцами. Сын Али-Бабы был из его окружения одним из первых, кто разговаривал с Когия Хуссейном, который стремился более тщательно развивать свою дружбу. Через два или три дня после того, как он был устроен, Али-Баба пришел повидаться с сыном, и капитан разбойников сразу узнал его и вскоре узнал от сына, кто он такой. После этого он увеличил свое усердие, ласкал его самым приятным образом, делал ему небольшие подарки и часто приглашал его обедать и ужинать с ним, когда он обращался с ним очень хорошо.

Сын Али-Бабы не хотел брать на себя такое обязательство перед Когия Хусейн; но он был так стеснен из-за нехватки места в своем доме, что не мог принимать его. Поэтому он сообщил своему отцу Али-Бабе о своем желании пригласить его в ответ.

Али-Баба с большим удовольствием принял угощение на себя. «Сын, — сказал он, — завтра пятница, а это день, когда магазины таких крупных торговцев, как

Когия Хусейн и вы заперты, попросите его сопровождать вас, а когда будете проходить мимо моей двери, позвоните. Я пойду и прикажу Моргиане приготовить ужин.

На следующий день сын Али-Бабы и Когия Хуссейн встретились по предварительной договоренности, прогулялись, а когда они вернулись, сын Али-Бабы провел Когия Хуссейна по улице, где жил его отец, и когда они подошли к дому, остановился и постучал в дверь. . «Это, сэр, — сказал он, — дом моего отца, который, исходя из того, что я рассказал ему о вашей дружбе, поручил мне доставить ему честь познакомиться с вами; и я желаю, чтобы вы добавили это удовольствие к тем удовольствиям, которым я уже в долгу перед вами» .

Хотя единственной целью Когия Хуссейна было проникнуть в дом Али-Бабы, чтобы убить его, не рискуя собственной жизнью и не производя никакого шума, тем не менее он извинился и предложил уйти; но раб открыл дверь, сын Али-Бабы услужливо взял его за руку и как бы заставил войти.

Али-Баба принял Когия Хусейна с улыбкой на лице и самым любезным образом, какой только мог пожелать. Он поблагодарил его за все услуги, которые он сделал своему сыну; кроме того, обязанность была тем больше, что он был молодым человеком, мало знакомым с миром, и что он мог внести свой вклад в его информацию.

Когия Хусейн ответил на комплимент, заверив Али-Бабу, что, хотя его сын, возможно, и не приобрел опыта пожилых людей, он обладает здравым смыслом, равным опыту многих других. После еще небольшого разговора на разные темы он снова предложил уйти, когда Али-Баба, остановив его, сказал: «Куда вы, сэр, так торопитесь? Прошу вас оказать мне честь поужинать с меня, хотя мое развлечение может быть недостойным вашего согласия, каково бы оно ни было, я от всей души предлагаю его» . -- Сэр, -- ответил Когия Уссейн, -- я полностью убежден в вашей благосклонности, но, по правде говоря, я не могу есть ничего, в чем есть соль, поэтому рассудите, как я буду себя чувствовать за вашим столом. «Если это единственная причина, — сказал Али-Баба, — то это не должно лишать меня чести быть с вами, ибо, во-первых, в мой хлеб никогда не кладут соли, а что касается мяса, которое мы сегодня ночью, я обещаю вам, что в этом ничего не будет. Поэтому вы должны сделать мне одолжение, чтобы остаться. Я немедленно вернусь ».

Али-Баба пошел на кухню и приказал Моргиане не солить мясо, которое должно было быть заправлено этой ночью; и быстро приготовить два-три рагу, кроме того, что он заказал, но обязательно не кладя в них соли.

Моргиана, всегда готовая подчиниться своему господину, не могла не удивиться его странному приказу. «Кто этот странный человек, — сказала она, — который не ест соли вместе с мясом? Ваш ужин будет испорчен, если я буду его так долго не давать» . «Не сердись, Моргиана, — ответил Али-Баба. «Он честный человек, поэтому делайте, как я вам говорю» .

Моргиана повиновалась, хотя и с немалой неохотой, и ей стало любопытно увидеть этого человека, который не ел соли. С этой целью, когда она закончила то, что ей нужно было сделать на кухне, она помогла Абдалле нести посуду; и, взглянув на Когия Уссейна, с первого взгляда понял, что это капитан, несмотря на его маскировку.

разбойников и, внимательно осмотрев его, увидел, что у него под одеждой кинжал. «Меня нисколько не удивляет, — сказала она себе, — что этот злодей, злейший враг моего господина, не ест с ним соли, раз он намеревается убить его; но я ему помешаю» .

Моргиана, пока они ужинали, твердо решила совершить один из самых смелых поступков, которые когда-либо задумывались.

Когда Абдалла приходил за десертом или фруктами и ставил их вместе с вином и бокалами перед Али-Бабой, Моргиана удалилась, аккуратно оделась, надела подходящий головной убор, как у танцовщицы, опоясала талию позолоченным серебряным поясом, чтобы которая там повесила кинжал с рукоятью и гардой из того же металла, а на лицо надела красивую маску.

Переодевшись таким образом, она сказала Абдалле: «Возьми свой табор, и позволь нам пойти и развлечь нашего господина и друга его сына, как мы иногда делаем, когда он один» .

Абдалла взял свой табор и всю дорогу играл в зале перед Моргианой, которая, подойдя к двери, отвесила низкий поклон, попросив разрешения продемонстрировать свое искусство, в то время как Абдалла перестал играть. «Входи, Моргиана, — сказал Али-Баба, — и пусть Когия Хусейн посмотрит, что ты умеешь, чтобы он мог сказать нам, что он думает о твоём выступлении» .

Когия Уссейн, который не ожидал такого развлечения после ужина, начал опасаться, что не сможет воспользоваться случаем, который, как ему казалось, он нашел; но надеялся, если он сейчас не достиг своей цели, добиться ее в другой раз, поддерживая дружескую переписку с отцом и сыном; поэтому, хотя он и хотел бы, чтобы Али-Баба отказался от танца, он притворился, что обязан ему за это, и имел любезность выразить свое удовлетворение увиденным, что понравилось хозяину.

Как только Абдалла увидел, что Али-Баба и Когия Хусейн закончили разговор, он начал играть на таборе и сопровождал его аранжировкой, под которую Моргиана, которая была прекрасной исполнительницей, танцевала так, что это могло бы вызвать восхищение. в любой компании.

После того, как она с большим изяществом протанцевала несколько танцев, она вытащила кинжал и, держа его в руке, начала танец, в котором превзошла сама себя множеством различных фигур, легкими движениями, неожиданными прыжками и удивительными усилиями, с которыми она сопровождала его. Иногда она подносила кинжал к одной груди, иногда к другой, и часто казалось, что она ударяет себя. Наконец она выхватила табор у Абдаллы левой рукой и, держа кинжал в правой, представила другую сторону табора, по обычаю тех, кто зарабатывает на жизнь танцами и домогается щедрости зрителей.

Али-Баба положил в табор кусок золота, как и его сын; а Когия Уссейн, увидев, что она идет к нему, вытащил из-за груди свой кошелек, чтобы сделать ей подарок; но пока он вкладывал в нее руку, Моргиана с мужеством и решимостью, достойными ее самой, вонзила кинжал ему в сердце.

Али-Баба и его сын, потрясенные этим действием, громко закричали. "Несчастливая женщина!" — воскликнул Али-Баба. — Что ты сделал, чтобы погубить меня и мою семью? -- Чтобы сохранить, а не погубить вас, -- ответила Моргiana. -- Вот видите, -- продолжала она, расстегивая одежду мнимого Когия Хуссейна и показывая кинжал, -- какого врага у вас было! Посмотрите на него хорошенько, и вы обнаружите, что он одновременно и фиктивный торговец нефтью, и капитан. шайке из сорока разбойников. Помните также, что он не ел с вами соли; и что еще вам нужно, чтобы убедить вас в его злом замысле? Прежде чем я увидел его, я заподозрил его, как только вы сказали такой гость. Я знал его, и теперь вы видите, что мое подозрение не было беспочвенным.

Али-Баба, который сразу почувствовал новый долг перед Моргiana за спасение его жизни во второй раз, обнял ее: «Моргiana, — сказал он, — я дал тебе свободу, а затем пообещал тебе, что моя благодарность не остановится на этом, но что я скоро дам тебе высшие доказательства его искренности, что я и делаю сейчас, делая тебя своей невесткой» . Затем, обращаясь к своему сыну, он сказал: «Я полагаю, что ты, сын, настолько послушный ребенок, что ты не откажешь Моргiane в качестве своей жены. жизнь, и если бы ему это удалось, он, несомненно, пожертвовал бы и тобой ради своей мести. Учти, что, женившись на Моргiane, ты женишься на хранительнице моего и своего рода» .

Сын, не выказывая никакой неприязни, с готовностью согласился на брак; не только потому, что он не хотел ослушаться отца, но и потому, что это соответствовало его наклонностям. После этого задумали похоронить капитана разбойников с его товарищами, и сделали это так тайно, что их кости не были обнаружены до тех пор, пока много лет спустя, когда никому не было дела до опубликования этой замечательной истории. Через несколько дней Али-Баба отпраздновал свадьбу своего сына и Моргiany с большой торжественностью, роскошным пиром, обычными танцами и зрелищами; и имел удовлетворение видеть, что его друзья и соседи, которых он пригласил, ничего не знали об истинных мотивах женитьбы; но те, кто был знаком с хорошими качествами Моргiany, хвалили его щедрость и доброту сердца. Али-Баба целый год не посещал пещеру разбойников, так как предполагал, что двое других могут быть живы.

В конце года, когда он обнаружил, что они не пытались его побеспокоить, у него появилось любопытство совершить еще одно путешествие. Он сел на коня и, подъехав к пещере, сошел, привязал коня к дереву, затем подошел ко входу и произнес слова: «Открой, Сезам!» дверь открылась. Он вошел в пещеру и по состоянию, в котором он нашел вещи, решил, что там никого не было с тех пор, как капитан принес товары для своей лавки. С этого времени он считал, что он единственный человек в мире, у которого есть секрет открытия пещеры, и что все сокровища находятся в его единоличном распоряжении. Он положил в седельную суму столько золота, сколько могла унести его лошадь, и вернулся в город. Несколько лет спустя он отнес своего сына в пещеру и открыл ему тайну, которая перешла к его потомкам, которые, умеренно используя свою удачу, жили в почете и великолепии.

ИСТОРИЯ АЛАДДИНА; ИЛИ ЧУДЕСНОЕ ЛАМПА

Жил-был когда-то в одном из больших и богатых городов Китая портной по имени Мустафа. Он был очень беден. Он едва мог ежедневным трудом содержать себя и свою семью, состоявшую только из жены и сына.

Его сын, которого звали Аладдин, был очень беспечным и праздным малым. Он был непослушен отцу и матери, уходил рано утром и не гулял весь день, играя на улицах и в общественных местах с праздными детьми своего возраста.

Когда он стал достаточно взрослым, чтобы научиться ремеслу, отец взял его в свою лавку и научил пользоваться иглой; но все усилия его отца удержать его на работе были напрасны, потому что, как только он отвернулся, он ушел на тот день. Мустафа отругал его; но Аладдин был неисправим, и его отец, к его великому горю, был вынужден оставить его в праздности и так беспокоился о нем, что заболел и умер через несколько месяцев.

Аладдин, которого больше не сдерживал страх перед отцом, полностью отдался своим праздным привычкам и никогда не удалялся от своих товарищей по улицам. Он следовал этому курсу до пятнадцати лет, не предаваясь никаким полезным занятиям и ни малейшим размышлениям о том, что с ним будет. Однажды, когда он, по обычаю, играл на улице со своими злыми товарищами, прохожий остановился и стал наблюдать за ним.

Этот незнакомец был колдуном, известным как африканский волшебник, так как он всего два дня назад прибыл из Африки, своей родной страны.

Африканский волшебник, заметив в лице Аладдина что-то, что убедило его в том, что он подходит для своей цели, спросил его имя и историю у некоторых из его товарищей; и когда он узнал все, что хотел узнать, подошел к нему и, отведя его в сторону от товарищей, сказал: «Дитя, разве твоего отца не звали портным Мустафой?» "Да, сэр," ответил мальчик; "но он был мертв давно."

При этих словах африканский волшебник обвил руками шею Аладдина, несколько раз поцеловал его со слезами на глазах и сказал: «Я твой дядя. Твой достойный отец был моим родным братом. Я узнал тебя с первого взгляда, ты так похож на него» . Затем он дал Аладдину горсть мелких денег, сказав: «Ступай, сын мой, к своей матери, передай ей мою любовь и скажи ей, что я навещу ее завтра, чтобы я мог видеть, где мой хороший брат жил так долго, и закончились его дни» .

Аладдин побежал к матери, обрадовавшись деньгам, которые дал ему дядя.

«Мама, — сказал он, — у меня есть дядя?» «Нет, дитя, — ответила его мать, — у тебя нет ни со стороны отца, ни со стороны моего дяди» . «Я только что пришел» , сказал Аладдин, «от человека, который говорит, что он мой дядя и брат моего отца. Он плакал и целовал меня, когда я сказал ему, что мой отец умер, и дал мне деньги, посылая вам свою любовь. , и обещает прийти и нанести вам визит, чтобы он мог видеть дом, в котором мой отец жил и умер ". «В самом деле, дитя, — ответила мать, — у твоего отца не было брата, а у тебя нет дяди» .

На следующий день волшебник нашел Аладдина играющим в другой части города и, обняв его, как прежде, вложил ему в руку два золотых слитка и сказал ему: «Отнеси это, дитя, к своей матери. Скажи ей, что я приди к ней вечером и скажи, чтобы она приготовила нам чего-нибудь на ужин, но прежде покажи мне дом, где ты живешь.

Аладдин показал африканскому волшебнику дом и отнес две золотые монеты своей матери, которая вышла и купила провизию; и, считая, что ей нужна различная утварь, одолжила ее у соседей. Весь день она готовила ужин; а ночью, когда он был готов, сказала своему сыну: «Может быть, незнакомец не знает, как найти наш дом; пойди и приведи его, если ты встретишься с ним» .

Аладдин уже собирался уходить, как в дверь постучал волшебник и вошел, нагруженный вином и всевозможными фруктами, которые он принес на десерт. После того, как он дал то, что он принес в руки Аладдина, он приветствовал свою мать и попросил ее показать ему место, где его брат Мустафа обычно сидел на диване; и когда она это сделала, он упал и несколько раз поцеловал ее, крича со слезами на глазах: «Мой бедный брат! как я несчастен, что не пришел достаточно скоро, чтобы обнять тебя в последний раз!» Мать Аладдина хотела, чтобы он сел на то же место, но он отказался.

«Нет, — сказал он, — я не буду этого делать, но разрешите мне сесть против нее, чтобы, хотя я и не вижу хозяина столь дорогого мне семейства, я мог хотя бы увидеть то место, где он сидеть."

Выбрав место, волшебник сел и начал разговор с матерью Аладдина. «Дорогая сестра, — сказал он, — не удивляйся, что ты ни разу не видела меня все то время, пока ты была замужем за моим братом Мустафой счастливой памяти. Я сорок лет отсутствовал в этой стране, моей родине. , как и у моего покойного брата, и за это время я путешествовал по Индии, Персии, Аравии, Сирии и Египту, а затем перебрался в Африку, где и поселился. человек, мне очень хотелось снова увидеть родную страну и обнять дорогого брата, и, обнаружив, что у меня достаточно сил, чтобы предпринять такое долгое путешествие, я сделал необходимые приготовления и отправился в путь. о смерти моего брата... Но слава Богу за все!

Для меня утешение найти, так сказать, своего брата в сыне, у которого самые замечательные черты» .

Африканский волшебник, заметив, что вдова плачет при воспоминании о муже, переменил разговор и, повернувшись к сыну, спросил его: «Чем ты занимаешься?

При этом вопросе юноша опустил голову и немало смутился, когда его мать ответила: «Аладдин — праздный малый. Его отец, когда был жив, изо всех сил старался научить его своему ремеслу, но безуспешно; и после его смерти, несмотря на все, что я могу ему сказать, он только и делает, что проводит время на улицах, как вы его видели, не считаясь с тем, что он уже не ребенок, и если вы не заставите его стыдиться этого, я отчаяние от того, что он когда-либо придет к кому-либо

хороший. Со своей стороны, я решил на днях выставить его за дверь и позволить ему обеспечить себя» .

После этих слов мать Аладдина расплакалась; и волшебник сказал: «Это нехорошо, племянник; ты должен думать о том, чтобы помогать себе и зарабатывать себе на жизнь. Есть много видов ремесел. Если ты не хочешь научиться какому-нибудь ремеслу, я возьму для тебя лавку, обставлю ее всякими прекрасными тканями и бельем, а потом на деньги, которые ты заработаешь, ты сможешь закупать свежие товары и жить в благородным путем. Скажите мне свободно, что вы думаете о моем предложении, и вы всегда найдете меня готовым сдержать свое слово ".

Этот план как раз устраивал Аладдина, который ненавидел работу. Он сказал волшебнику, что у него больше склонности к этому делу, чем к любому другому, и что он должен быть очень признателен ему за его доброту. «Ну, тогда, — сказал африканский волшебник, — завтра я возьму тебя с собой, одену тебя так же красиво, как лучшие купцы в городе, а потом мы откроем магазин, как я уже говорил» .

Вдова, после его обещаний милости к ее сыну, уже не сомневалась, что волшебник был братом ее мужа. Она поблагодарила его за добрые намерения; и после того, как увещевал Аладдина сделать себя достойным благосклонности своего дяди, подали ужин, за которым они говорили о нескольких второстепенных вещах; а затем волшебник попрощался и удалился.

Он пришел снова на следующий день, как и обещал, и повел Аладдина с собой к торговцу, который продавал в готовом виде всевозможные одежды для разных возрастов и чинов, а также различные прекрасные ткани, и велел Аладдину выбрать то, что он предпочитает. за что он заплатил.

Когда Аладдин обнаружил, что так прекрасно экипирован, он поблагодарил своего дядю, который так обратился к нему: «Поскольку ты скоро станешь торговцем, тебе следует часто посещать эти магазины и знакомиться с ними» . Затем он показал ему самые большие и лучшие мечети, отвел его к ханам или постоялым дворам, где останавливались купцы и путешественники, а затем во дворец султана, куда он имел свободный доступ; и, наконец, привел его к своему собственному хану, где, встретившись с некоторыми купцами, с которыми он познакомился с момента своего прибытия, он дал им угощение, чтобы познакомить их и своего мнимого племянника.

Это развлечение продолжалось до ночи, когда Аладдин собирался проститься со своим дядей и отправиться домой; волшебник не отпустил его одного, а отвел к матери, которая, как только увидела его так хорошо одетого, пришла в восторг и одарила волшебника тысячей благословений.

Рано утром следующего дня волшебник снова позвал Аладдина и сказал, что возьмет его с собой, чтобы провести этот день в деревне, а на следующий он купит магазин. Затем он вывел его через одни из городских ворот в несколько великолепных дворцов, к каждому из которых принадлежали прекрасные сады, в которые мог войти каждый. В каждом здании, к которому он приходил, он спрашивал Аладдина, не считает ли он это хорошим; и юноша был готов ответить, когда кто-нибудь представлялся и кричал: «Вот дом лучше, дядя, чем все, что мы еще видели» . С помощью этой уловки хитрый волшебник увел Аладдина в глубь страны; и

когда он намеревался нести его дальше, чтобы осуществить свой замысел, он воспользовался случаем присесть в одном из садов, на берегу источника чистой воды, которая извергалась львиной бронзовой пастью в бассейн, притворяясь усталым. «Пойдем, племянник, — сказал он, — ты, должно быть, устал, как и я; давайте отдохнем, и мы сможем лучше продолжить нашу прогулку» .

Затем волшебник вытащил из-за пояса носовой платок с пирожными и фруктами и во время этой короткой трапезы увещевал своего племянника оставить дурную компанию и обратиться к мудрым и благоразумным людям, чтобы поправиться их беседой; «Ибо, — сказал он, — вы скоро станете человеком, и вы не можете слишком рано начинать подражать их примеру» . Наевшись, сколько им вздумается, они встали и продолжили свою прогулку по садам, отделенным друг от друга лишь небольшими канавками, которые обозначали границы, не прерывая общения, настолько велико было доверие жителей друг к другу. . Таким образом, африканский волшебник незаметно вывел Аладдина за пределы садов и пересек страну, пока они почти не достигли гор.

Наконец они прибыли между двумя горами средней высоты и одинакового размера, разделенными узкой долиной, где маг намеревался осуществить замысел, который привел его из Африки в Китай. "Мы не пойдем дальше сейчас," сказал он Аладдину; «Я покажу вам здесь некоторые необыкновенные вещи, за которые, когда вы их увидите, вы будете благодарить меня; но пока я зажгу свет, соберите все свободные сухие ветки, которые вы можете увидеть, чтобы разжечь огонь» .

Аладдин нашел так много сухих палочек, что вскоре собрал большую кучу. Волшебник тут же поджег их; а когда они были в огне, бросили благовония, произнес несколько волшебных слов, которых Аладдин не понял.

Едва он это сделал, как земля разверзлась прямо перед волшебником и обнаружила камень с закрепленным в нем медным кольцом. Аладдин так испугался, что хотел убежать, но волшебник схватил его и дал ему такую пощечину, что тот сбил его с ног. Аладдин встал, дрожа, и со слезами на глазах сказал волшебнику: «Что я сделал, дядя, что со мной обошлись так сурово?» "Я твой дядя," ответил волшебник; -- Я заменяю твоего отца, и тебе не следует отвечать. Но, дитя, -- добавил он, смягчаясь, -- не бойся, ибо я ни о чем тебя не попрошу, но чтобы ты повиновалась мне точно, если ты будешь пожинать преимущества, которые я намереваюсь вам.

Знай же, что под этим камнем скрыто сокровище, которому суждено стать твоим и которое сделает тебя богаче самого великого монарха в мире. Никому, кроме вас, не разрешается поднимать этот камень или входить в пещеру; так что вы должны точно выполнять то, что я могу приказывать, потому что это имеет большое значение как для вас, так и для меня ".

Аладдин, изумленный всем увиденным и услышанным, забыл о том, что было, и, встав, сказал: «Ну что, дядя, что делать? Прикажи мне, я готов повиноваться» . — Я так счастлив, дитя, — сказал африканский фокусник, обнимая его. «Возьми кольцо и подними этот камень» . «В самом деле, дядя, — ответил Аладдин, — я недостаточно силен, ты должен мне помочь» . "У вас нет необходимости для моей помощи," ответил волшебник; -- Если я помогу вам, мы ничего не сможем сделать.

кольца и поднимите его вверх; ты увидишь, что это придет легко." Аладдин сделал, как велел ему волшебник, с легкостью поднял камень и положил его на одну сторону.

Когда камень был поднят, там появилась лестница глубиной около трех-четырех футов, ведущая к двери. «Спустись, сын мой, — сказал африканский волшебник, — по этим ступеням и открой эту дверь. Она приведет тебя во дворец, разделенный на три больших зала. В каждом из них ты увидишь четыре больших медных резервуара, расположенных по бокам. , полный золота и серебра, но смотрите, не лезьте в них. Прежде чем войти в первый зал, обязательно подверните халат, оберните его вокруг себя, а затем пройдите через второй в третий, не останавливаясь. во всем, старайтесь не прикасаться ни к стенам, ни к одежде, ибо если вы это сделаете, то немедленно умрете. В конце третьего зала вы найдете дверь, ведущую в сад. засажен прекрасными деревьями, усыпанными плодами. Пройдите прямо через сад к террасе, где вы увидите перед собой нишу, а в этой нише зажженную лампу. Снимите лампу и потушите ее. Когда вы выбросите фитиль и вылил ликер, засунь его себе за пояс и принеси мне.

Не бойся, что ликер испортит твою одежду, ибо это не масло, и светильник высохнет, как только его выбросят» .

После этих слов волшебник снял кольцо со своего пальца и надел его на один из пальцев Аладдина, сказав: «Это талисман против всякого зла, пока ты слушаешься меня. Поэтому иди смело, и мы оба будем богаты» . всю нашу жизнь» .

Аладдин спустился по ступеням и, открыв дверь, нашел три зала, как и описал африканский маг. Он прошел через них со всеми предосторожностями, какие только мог внушить страх смерти, пересек сад, не останавливаясь, вынул из ниши лампу, выбросил фитиль и ликер и, как желал волшебник, засунул ее за пояс. . Но когда он спустился с террасы, увидев, что она совершенно сухая, он остановился в саду, чтобы понаблюдать за деревьями, усыпанными необыкновенными плодами разных цветов на каждом дереве.

Одни приносили плоды совершенно белые, другие прозрачные и прозрачные, как хрусталь; некоторые бледно-красные, а другие более глубокие; некоторые зеленые, синие и фиолетовые, а другие желтые; короче говоря, были фрукты всех цветов. Белые были жемчугом; ясные и прозрачные, бриллианты; темно-красный, рубины; более бледные рубины; зеленый, изумруды; синий, бирюзовый; пурпур, аметисты; и желтые, топазы. Аладдин, не зная об их ценности, предпочел бы инжир, виноград или гранаты; но так как он получил разрешение своего дяди, он решил собрать несколько всякого рода. Наполнив два новых кошелька, которые купил для него дядя, своей одеждой, он завернул часть в полы своего жилета и набил грудь настолько, насколько она могла вместиться.

Аладдин, таким образом нагрузив себя богатствами, которым он не знал цены, вернулся через три зала с величайшей осторожностью и вскоре достиг входа в пещеру, где африканский волшебник ждал его с величайшим нетерпением. Как только Аладдин увидел его, он закричал: «Молитесь, дядя, дайте мне вашу руку, чтобы помочь мне» . "Дай мне сначала лампу," ответил фокусник; "это будет хлопотно для вас." «В самом деле, дядя, — ответил Аладдин, — я не могу сейчас, но я сделаю это, как только встану» . Африканский фокусник был полон решимости получить лампу до того, как поможет ему подняться; и Аладдин, который так загрузил себя своими фруктами, что не мог до них добраться,

отказался дать его ему, пока он не вышел из пещеры. Африканский волшебник, разгневанный этим упорным отказом, пришел в ярость, бросил в огонь немного своих благоволий и произнес два волшебных слова, когда камень, закрывавший устье лестницы, встал на свое место вместе с землей. над ним так же, как он лежал при прибытии волшебника и Аладдина.

Это действие мага ясно показало Аладдину, что он не его дядя, а тот, кто задумал ему зло. Правда заключалась в том, что он узнал из своих волшебных книг тайну и ценность этой чудесной лампы, владелец которой делается богаче любого земного правителя, и отсюда его путешествие в Китай. Его искусство также говорило ему, что ему не разрешается брать его самому, но он должен получить его как добровольный дар из рук другого человека. Поэтому он нанял молодого Аладдина и надеялся, что смесь доброты и авторитета сделает его послушным своему слову и воле. Когда он обнаружил, что его попытка не удалась, он решил вернуться в Африку, но избегал города, чтобы кто-нибудь, кто видел, как он уходил в компании с Аладдином, не стал расспрашивать о юноше. Аладдин, внезапно окутанный тьмой, заплакал и позвал своего дядю, чтобы сказать ему, что он готов дать ему лампу; но напрасно, так как криков его не было слышно. Он спустился вниз по лестнице, намереваясь попасть во дворец, но дверь, которая раньше была открыта заклинанием, теперь была заперта тем же способом. Тогда он удвоил свои крики и слезы, сел на ступеньки без всякой надежды когда-либо снова увидеть свет и в ожидании перехода от настоящего мрака к скорой смерти. В этой великой чрезвычайной ситуации он сказал: «Нет силы и могущества, кроме как в великом и высоком Боге» ; и, сложив руки для молитвы, он потерял кольцо, которое волшебник надел ему на палец. Немедленно появился джин страшного вида и сказал: «Что тебе угодно? Я готов повиноваться тебе. Я служу тому, у кого кольцо на твоём пальце; я и другие рабы этого кольца» . В другое время Аладдин испугался бы при виде столь необыкновенной фигуры, но опасность, в которой он находился, заставила его без колебаний ответить: «Кто бы ты ни был, избавь меня от этого места» .

Не успел он произнести эти слова, как очутился на том же самом месте, где в последний раз оставил его волшебник, и не было никаких признаков пещеры или прохода, или возмущения земли. Возвратившись Богу благодаря тому, что он снова очутился в мире, он сделал все возможное, чтобы вернуться домой. Когда он вошел в дверь своей матери, радость видеть ее и его слабость от недостатка пропитания довели его до того, что он потерял сознание, что долгое время оставался мертвым. Как только он выздоровел, он рассказал матери обо всем, что с ним случилось, и они оба были очень яростны в своих жалобах на жестокого волшебника. Аладдин очень крепко спал до позднего утра следующего дня, когда первое, что он сказал матери, было то, что он хочет чего-нибудь поесть и хочет, чтобы она накормила его завтраком.

«Увы, дитя, — сказала она, — у меня нет ни кусочка хлеба, чтобы дать тебе: ты съел вчера все, что у меня было в доме; но у меня есть немного хлопка, который я пряла; я пойду и продаю и куплю хлеба и чего-нибудь к обеду» .

«Мама, — ответил Аладдин, — оставь свой хлопок на другой раз, а дай мне лампу, которую я вчера принес с собой домой; я пойду и продам ее, а деньги, которые я выручу за нее, пойдут и на завтрак, и на обед, и, возможно, ужин» .

Мать Аладдина взяла лампу и сказала своему сыну: «Вот она, но она очень грязная; если бы она была немного чище, я думаю, это принесло бы что-то еще». Она взяла немного мелкого песка и воды, чтобы очистить его; но не успела она начать его тереть, как в одно мгновение перед ней появился отвратительный джинн гигантских размеров и сказал ей громовым голосом: «Что тебе угодно? Я готов повиноваться тебе, как твой раб, и раб всех тех, у кого в руках эта лампада; я и другие рабы лампы».

Мать Аладдина, испугавшись джинна, упала в обморок; когда Аладдин, увидевший такое привидение в пещере, выхватил лампу из рук своей матери и смело сказал джинну: «Я голоден, принеси мне что-нибудь поесть».

Джин тотчас же исчез и через мгновение вернулся с большим серебряным подносом, на котором стояло двенадцать закрытых тарелок из того же металла, в которых находились самые вкусные яства; шесть больших белых лепешек на двух тарелках, два кувшина вина и две серебряные чаши. Все это он положил на ковер и исчез; это было сделано до того, как мать Аладдина оправилась от обморока.

Аладдин принес немного воды и плеснул ей в лицо, чтобы вернуть ее.

То ли это, то ли запах мяса повлияли на ее исцеление, вскоре она пришла в себя. «Мама, — сказал Аладдин, — не бойся, встань и поешь, вот что тебя растопит, а в то же время удовлетворит мой крайний голод».

Его мать была очень удивлена, увидев большой поднос, двенадцать тарелок, шесть хлебов, два кувшина и чашки, и почувствовала вкусный запах, исходивший от посуды. «Дитя, — сказала она, — кому мы обязаны этим великим изобилием и щедростью? Разве султан узнал о нашей бедности и сжалился над нами?» «Ничего, мама, — сказал Аладдин, — давай сядем и поедим, потому что ты почти так же нуждаешься в хорошем завтраке, как и я; когда мы поедим, я скажу тебе».

Таким образом, и мать, и сын сели и ели с большим удовольствием, так как стол был так хорошо накрыт. Но мать Аладдина все время не могла не смотреть и не любоваться подносом и посудой, хотя и не могла судить, серебряные они или из какого другого металла, и новизна больше, чем ценность, привлекала ее внимание.

Мать и сын сидели за завтраком, пока не наступило время обеда, и тогда они решили, что будет лучше совместить два приема пищи; однако после этого они обнаружили, что у них должно остаться достаточно на ужин и на два приема пищи на следующий день.

Когда мать Аладдина унесла и поставила то, что осталось, она подошла и села рядом с сыном на диван, сказав: «Теперь я ожидаю, что ты удовлетворишь мое нетерпение и расскажешь мне в точности, что произошло между джинном и тобой, пока Я был в обмороке»; что он охотно выполнил.

Она была так же поражена тем, что сказал ей сын, как и появлением джинна; и сказал ему: «Но, сынок, какое нам дело до джиннов? Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из моих знакомых когда-либо видел их. Как получилось, что этот мерзкий джинн обратился ко мне, а не к тебе, к появлялся раньше в пещере?» — Мать, — ответил Аладдин, — джинн, которого ты видела, — не тот, что явился мне. Если ты помнишь, тот, кого я впервые увидел, называл себя рабом

кольцо на моем пальце; а этот, как вы видели, называл себя рабом светильника, который был у вас в руке; но я полагаю, вы его не слышали, потому что я думаю, что вы упали в обморок, как только он начал говорить.

"Что!" — воскликнула мать. — Так неужели из-за вашей лампы этот проклятый джин обратился скорее ко мне, чем к вам? Ах, сын мой, уберите ее с глаз моих и поставьте, где вам угодно. продать его, чем рискнуть снова испугаться до смерти, прикоснувшись к нему; и если бы вы последовали моему совету, вы бы также расстались с кольцом и не имели ничего общего с джиннами, которые, как сказал нам наш пророк, одни черти» .

— С вашего позволения, матушка, — ответил Аладдин, — теперь я позабочусь о том, чтобы продать лампу, которая может оказаться столь полезной и для вас, и для меня. лампаду, если бы он не знал, что ее стоимость выше стоимости золота и серебра, и так как мы честно приобрели ее, давайте использовать ее с пользой, не делая большого показухи и не возбуждая зависти и ревности наших соседей. Однако, поскольку джинны так пугают вас, я уберу его с ваших глаз и положу туда, где смогу найти, когда захочу. Кольцо, с которым я не решаюсь расстаться, потому что без него вы никогда меня больше не видели; и хотя я теперь жив, может быть, если бы его не было, через несколько мгновений я бы уже не был таковым, поэтому я надеюсь, что вы позволите мне сохранить его и всегда носить на пальце.

Мать Аладдина ответила, что он может делать все, что захочет; со своей стороны, она не хотела бы иметь ничего общего с джиннами и никогда больше ничего о них не говорила.

К следующей ночи они съели всю провизию, которую принес джин; а на другой день Аладдин, не переносивший мысли о голоде, спрятав под жилет одну из серебряных тарелок, вышел пораньше продавать ее и, обратившись к встреченному на улице еврею, отвел его в сторону и вытащив тарелку, спросил, не купит ли он ее. Хитрый еврей взял блюдо, осмотрел его и, как только убедился, что оно из хорошего серебра, спросил Аладдина, во сколько он его ценит. Аладдин, никогда не привыкший к такому движению, сказал ему, что доверится его суждению и чести. Еврей был несколько сбит с толку этим простым обращением; и, сомневаясь, понял ли Аладдин материал или полную стоимость того, что он предложил продать, вынул из своего кошелька кусок золота и отдал ему, хотя это была всего лишь шестидесятая часть стоимости тарелки. Аладдин, взяв деньги с большой охотой, удалился с такой поспешностью, что еврей, не довольствуясь непомерностью своей прибыли, досадовал на то, что он не вник в его невежество, и собирался бежать за ним, чтобы попытаться получить сдачу. из куска золота; но он бежал так быстро и зашел так далеко, что никак не мог догнать его.

Прежде чем отправиться домой, Аладдин зашел в булочную, купил несколько лепешек, поменял деньги, а по возвращении отдал остальное своей матери, которая пошла и купила провизии на некоторое время. Так они и жили, пока Аладдин не продал двенадцать тарелок по отдельности, по необходимости, еврею за те же деньги; который после первого раза не осмелился предложить ему меньше, опасаясь потерять столь выгодную сделку. Когда он продал последнюю тарелку, он прибегнул к подносу, который весил в десять раз больше тарелок.

отнес его своему старому покупателю, но тот оказался слишком большим и громоздким; поэтому он был вынужден привести его с собой домой к матери, где, после того как еврей проверил вес подноса, он положил десять золотых монет, чем Аладдин был очень доволен.

Когда все деньги были потрачены, Аладдин снова прибегнул к лампе. Он взял его в руку, отыскал то место, где его мать натерла его песком, потер и его, как тут же явился джинн и сказал: «Что тебе угодно? Я готов повиноваться тебе, как твой раб, и раб всех тех, у кого в руках этот светильник; я и другие рабы светильника» . "Я голоден," сказал Аладдин; "принесите мне что-нибудь поесть". Джинн исчез и вскоре вернулся с подносом, таким же количеством закрытых тарелок, как и прежде, поставил их и исчез.

Как только Аладдин обнаружил, что их провизия снова израсходована, он взял одну из тарелок и пошел искать своего еврея-служителя; но, проходя мимо ювелирной лавки, ювелир, заметив его, окликнул его и сказал: «Мой мальчик, я полагаю, что ты хочешь что-то продать еврею, которого я часто вижу, как ты посещаешь; но, может быть, ты не знаешь, что это величайший негодяй даже среди евреев.

Я дам вам полную стоимость того, что вы можете продать, или я направлю вас к другим торговцам, которые не будут вас обманывать» .

Это предложение побудило Аладдина вытащить из-под жилета свою тарелку и показать ее ювелиру, который с первого взгляда увидел, что она сделана из лучшего серебра, и спросил его, продавал ли он такую еврею; когда Аладдин сказал ему, что продал ему двенадцать таких по одному золотому за штуку. "Какой злодей!" — воскликнул ювелир. «Но, — добавил он, — мой сын, того, что было в прошлом, нельзя вспомнить. Показав тебе стоимость этой тарелки, которая сделана из самого лучшего серебра, которое мы используем в наших магазинах, я дам тебе понять, как много обманул еврей» . ты."

Ювелир взял весы, взвесил блюдо и заверил его, что его блюдо принесет по весу шестьдесят золотых монет, и предложил немедленно заплатить.

Аладдин поблагодарил его за честное обращение и больше никогда не обращался ни к кому другому.

Хотя Аладдин и его мать хранили в своей лампе неиссякаемое сокровище и могли иметь все, что пожелают, тем не менее они жили с той же бережливостью, что и прежде, и можно легко предположить, что деньги, за которые Аладдин продал посуду и поднос, было достаточно, чтобы поддерживать их некоторое время.

В это время Аладдин часто посещал лавки главных торговцев, где они продавали золотые и серебряные ткани, льняные ткани, шелковые ткани и украшения, и часто, присоединяясь к их разговорам, приобретал знания о мире и желание совершенствоваться. Благодаря знакомству с ювелирами он узнал, что плоды, которые он собрал, когда взял лампу, были не цветным стеклом, а камнями бесценной ценности; но он имел благоразумие никому об этом не говорить, даже матери.

Однажды, когда Аладдин прогуливался по городу, он услышал приказ, повелевающий людям запретить свои магазины и дома и держаться подальше.

двери, в то время как принцесса Баддир аль-Буддор, дочь султана, пошла в баню и вернулась.

Это заявление вдохновило Аладдина страстным желанием увидеть лицо принцессы, которое он решил удовлетворить, устроившись за дверью ванны, так что он не мог не видеть ее лица.

Не успел Аладдин спрятаться, как пришла принцесса. Ее сопровождала большая толпа дам, рабынь и немых, которые шли по обе стороны и позади нее. Подойдя на три-четыре шага к двери бани, она сняла вуаль и дала Аладдину возможность полностью рассмотреть свое лицо.

Княжна была известной красавицей: глаза у нее были большие, живые и блестящие; ее улыбка завораживает; ее нос безупречен; рот маленький; ее губы алые. Поэтому неудивительно, что Аладдин, никогда прежде не видевший такого блеска чар, был ослеплен и очарован.

После того, как принцесса прошла мимо и вошла в ванну, Аладдин вышел из своего укрытия и пошел домой. Мать заметила, что он стал более задумчивым и меланхоличным, чем обычно, и спросила, что случилось, что сделало его таким, или не был ли он болен. Затем он рассказал матери обо всех своих приключениях и в заключение заявил: «Я люблю принцессу больше, чем могу выразить, и решил, что попрошу ее выйти замуж за султана» .

Мать Аладдина с удивлением слушала то, что ей говорил сын; но когда он заговорил о сватовстве княжны, она громко расхохоталась. -- Увы, дитя, -- сказала она, -- о чем ты думаешь? Ты, должно быть, сошла с ума, раз так говоришь.

-- Уверю вас, матушка, -- ответил Аладдин, -- что я не сумасшедший, а в здравом уме. Я предвидел, что вы упрекнете меня в безрассудстве и расточительности, но должен еще раз сказать вам, что я решил потребовать принцессу султана в браке, и я не отчаиваюсь в успехе. У меня есть рабы Лампы и Кольца, чтобы помочь мне, и вы знаете, как сильна их помощь. И у меня есть еще один секрет, чтобы сказать вам: эти кусочки стекла, которое я достал из деревьев в саду подземного дворца, является драгоценностями бесценной ценности и подходит для величайших монархов. Все драгоценные камни, которые есть у ювелиров в Багдаде, не могут сравниться с моими ни по размеру, ни по красоте; и я уверен, что предложение их обеспечит благосклонность султана. У вас есть большое фарфоровое блюдо, подходящее для них; принесите его, и давайте посмотрим, как они будут выглядеть, когда мы разложим их по цветам. ."

Мать Аладдина принесла фарфоровое блюдо, когда он вынул драгоценности из двух кошельков, в которых хранил их, и расставил их по своему усмотрению. Но яркость и сияние, которое они излучали днем, и разнообразие цветов так ослепляли глаза матери и сына, что они были изумлены безмерно. Мать Аладдина, осмелев от вида этих драгоценностей и опасаясь, что ее сын провинится в еще большей расточительности, выполнила его просьбу и пообещала отправиться на следующее утро рано утром во дворец султана. Аладдин встал перед рассветом, разбудил свою мать, уговаривая ее пойти во дворец султана и получить доступ, если это возможно,

прежде чем великий визирь, другие визири и высшие государственные чиновники вошли, чтобы занять свои места на диване, где султан всегда присутствовал лично.

Мать Аладдина взяла фарфоровое блюдо, в которое накануне положили драгоценности, завернула его в две тонкие салфетки и отправилась во дворец султана.

Когда она подошла к воротам, великий визирь, другие визири и самые знатные вельможи двора только что вошли; но, несмотря на то, что народу было много, она попала в диван, в просторную залу, вход в которую был очень великолепен. Она встала прямо перед султаном, великим визирем и знатными вельможами, которые сидели на совете по правую и по левую руку от него. Было вызвано несколько дел, в соответствии с их порядком, рассмотрено и вынесено решение до тех пор, пока диван обычно не рассыпался, когда султан, встав, вернулся в свои покои в сопровождении великого визиря; другие визири и государственные министры ушли в отставку, как и все те, чьи дела влекли их туда.

Мать Аладдина, увидев, что султан удалился и все люди ушли, справедливо рассудила, что в этот день он больше не сядет, и решила вернуться домой. и по ее прибытии сказал с большой простотой: «Сынок, я видел султана, и я очень уверен, что он видел и меня, потому что я стоял прямо перед ним; но он был так занят теми, кто присутствовал на со всех сторон, что я жалел его и дивился его терпению, наконец, я думаю, что он сильно устал, потому что он внезапно встал и не хотел слушать очень многих, которые были готовы говорить с ним, но удалились, чему я очень обрадовался, ибо действительно начал терять всякое терпение и был чрезвычайно утомлен столь долгим пребыванием. Но в этом нет ничего плохого: я снова поеду завтра; может быть, султан не так занят» .

На следующее утро она отправилась во дворец султана с подарком, как и накануне; но когда она пришла туда, она обнаружила, что ворота дивана закрыты.

После этого она приезжала шесть раз в назначенные дни, всегда становясь прямо перед султаном, но с таким же небольшим успехом, как и в первое утро.

Однако на шестой день, после того как диван был разложен, султан, вернувшись в свои покои, сказал своему великому визирю: «Я некоторое время наблюдал за одной женщиной, которая постоянно посещает каждый день, когда я даю аудиенцию. , с чем-то завернутым в салфетку, она всегда встает с самого начала и до разгона публики и делает вид, что становится как раз передо мной. Я могу услышать, что она хочет сказать» . В ответ великий визирь опустил руку, а затем поднял ее над головой, показывая, что готов потерять ее, если он потерпит неудачу.

На следующий день аудиенции, когда мать Аладдина подошла к дивану и, как обычно, встала перед султаном, великий визирь немедленно позвал начальника булавоносцев и, указывая на нее, велел привести ее к султану. султан. Старуха тотчас последовала за булавоносцем и, подойдя к султану, склонила голову на ковер, покрывавший помост трона, и оставалась в этой позе, пока он не приказал ей встать, чего она не успела сделать раньше. чем он сказал ей: «Добрая женщина, я заметил, что ты стоишь

много дней, от начала до подъема дивана; какое дело привело вас сюда?»

После этих слов мать Аладдина во второй раз простерлась ниц, а когда встала, сказала: «Повелитель монархов, я прошу вас простить дерзость моей просьбы и заверить меня в вашем помиловании и прощении». "Хорошо," — ответил султан. — Я прошу тебя, что бы ни случилось, и тебе не будет больно.

Говори смело» .

Когда мать Аладдина приняла все эти меры предосторожности, опасаясь гнева султана, она честно рассказала ему о поручении, с которым послал ее сын, и о событии, которое привело к тому, что он сделал такую смелую просьбу, несмотря на все ее возражения.

Султан выслушал эту речь, не выказывая ни малейшего гнева; но, прежде чем он дал ей какой-либо ответ, спросил ее, что она принесла завязанной в салфетке. Она взяла фарфоровое блюдо, которое поставила у подножия трона, развязала его и подала султану.

Изумление и удивление султана было невыразимым, когда он увидел столько крупных, красивых и ценных драгоценностей, собранных в блюде. Некоторое время он оставался в восхищении. Наконец, когда он оправился, он принял подарок из рук матери Аладдина, сказав: «Какой богатый! Как красивый!» После того, как он полюбовался и потрогал все драгоценности одну за другой, он повернулся к своему великому визирю и, показывая ему блюдо, сказал: «Смотрите! восхищайтесь! дивитесь! " Визирь был очарован. -- Ну, -- продолжал султан, -- что ты скажешь на такой подарок? Разве он не достоин принцессы, дочери моей? И не должен ли я подарить ее тому, кто дорожит ею так дорого? -- Не могу не признать, -- ответил великий визирь, -- что подарок достоин принцессы, но прошу ваше величество даровать мне три месяца, прежде чем вы примете окончательное решение. Я надеюсь, что до этого времени мой сын, которого вы оказали благосклонность, сможете преподнести более благородный подарок, чем этот Аладдин, совершенно незнакомый вашему величеству» .

Султан удовлетворил его просьбу и сказал старухе: «Добрая женщина, иди домой и скажи своему сыну, что я согласен на предложение, которое ты мне сделал, но я не могу жениться на царевне, дочери моей, в течение трех месяцев. по истечении этого времени приди снова» .

Мать Аладдина вернулась домой гораздо более довольная, чем она ожидала, и с большой радостью рассказала сыну о снисходительном ответе, который она получила из уст самого султана; и что она должна снова прийти к дивану в этот день через три месяца.

Аладдин считал себя самым счастливым из всех людей, услышав эту новость, и поблагодарил свою мать за усилия, которые она приложила в этом деле, хороший успех которого был так важен для его спокойствия, что он считал каждый день, неделю и каждый день. еще час как прошел. По прошествии двух из трех месяцев его мать однажды вечером, не имея в доме масла, вышла купить его и застала всеобщее ликование — дома, украшенные листвою, шелками и коврами, и каждый стремившийся показать их радость по их способности. Улицы

были переполнены офицерами в церемониальной одежде, верхом на лошадях с богатой сбруей, каждый сопровождался большим количеством лакеев. Мать Аладдина спросила у торговца маслом, что означает вся эта подготовка к народному гулянию. «Откуда ты пришла, добрая женщина, — сказал он, — что не знаешь, что сын великого визиря должен жениться сегодня ночью на принцессе Баддир аль-Буддор, дочери султана? Она сейчас вернется из купальни; офицеры, которых вы видите, должны сопровождать кавалькаду во дворец, где должна состояться церемония» .

Мать Аладдина, услышав эту новость, очень быстро побежала домой. «Дитя, — воскликнула она, — ты погиб; прекрасное обещание султана не сбудется! Этой ночью сын великого визиря женится на принцессе Баддир аль-Буддор» .

Услышав это, Аладдин был поражен и вспомнил о лампе и о джинне, который обещал ему повиноваться; и, не отпуская праздных слов против султана, визиря или его сына, он решил, если возможно, воспрепятствовать свадьбе.

Когда Аладдин вошел в свою комнату, он взял лампу, потерял ее в том же месте, что и прежде, когда тут же появился джинн, и сказал ему: «Что тебе угодно? Я готов повиноваться тебе, как твой раб; я и другие рабы светильника» . — Послушайте меня, — сказал Аладдин. «До сих пор ты слушался меня, но теперь я собираюсь возложить на тебя более сложную задачу. Дочь султана, которая была обещана мне моей невестой, сегодня ночью вышла замуж за сына великого визиря. Приведите их обоих ко мне, как только они отправятся в свою спальню» .

«Хозяин, — ответил джинн, — я подчиняюсь тебе» .

Аладдин поужинал со своей матерью, как это было у них в обычае, а затем пошел в свою комнату и сел, чтобы дождаться возвращения джина, согласно его приказу.

Между тем в султанском дворце с большим великолепием прошли празднества в честь свадьбы принцессы. Церемонии наконец были доведены до конца, и принцесса с сыном визиря удалились в приготовленную для них спальню. Как только они вошли в нее и отпустили своих слуг, джинн, верный раб лампы, к великому изумлению и тревоге жениха и невесты, взял ложе и невидимым для них побуждением перенес его. в одно мгновение в комнату Аладдина, где он поставил его. «Уберите жениха, — сказал Аладдин джинну, — и держите его в плену до завтрашнего рассвета, а затем возвращайтесь с ним сюда» . Когда Аладдин остался наедине с принцессой, он попытался развеять ее страхи и объяснил ей предательство, совершенное султаном, ее отцом. Затем он лег рядом с ней, положив между ними обнаженную саблю, чтобы показать, что он полон решимости обеспечить ее безопасность и относиться к ней с величайшим уважением. На рассвете в назначенный час явился джинн, вернувший жениха, которого он, дунув на него, оставил неподвижным и зачаровал ночью у дверей комнаты Аладдина; и, по приказу Аладдина, той же невидимой силой перенес ложе с женихом и невестой во дворец султана.

В тот момент, когда джин поставил ложе с женихом и невестой в их собственных покоях, султан подошел к двери, чтобы пожелать своей дочери своих добрых пожеланий.

Сын великого визиря, который чуть не умер от холода, простояв всю ночь в своем тонком нижнем белье, едва услышал стук в дверь, как встал с постели и побежал в раздевалку, где всю ночь раздевался. до.

Султан, отворив дверь, подошел к постели, поцеловал принцессу в лоб, но чрезвычайно удивился, увидев ее такой меланхолический вид. Она только бросила на него скорбный взгляд, выражавший великую скорбь. Он подозревал, что в этом молчании есть что-то необыкновенное, и тут же отправился в апартаменты султанши, рассказал ей, в каком состоянии он застал княжну и как она его приняла. «Сир, — сказала султанша, — я пойду повидаться с ней, она не примет меня таким же образом» .

Княгиня приняла мать со вздохами и слезами, с признаками глубокого уныния. Наконец, навязав ей обязанность рассказать ей все свои мысли, она подробно описала султанше все, что случилось с нею за ночь; на что султанша предписала ей хранить молчание и осмотрительность, поскольку никто не поверил бы столь странной сказке. Сын великого визиря, обрадованный честью быть зятем султана, хранил молчание со своей стороны, и события ночи не позволили ни малейшим образом омрачить празднество следующего дня, продолжавшееся празднование. о королевском браке.

Когда наступила ночь, жениха и невесту снова сопровождали в их покои с теми же церемониями, что и накануне вечером. Аладдин, зная, что это будет так, уже отдал свои команды джину из лампы; и как только они остались одни, их постель убрали таким же таинственным образом, как и накануне вечером; и, так же неприятно переночевав, утром были доставлены во дворец султана. Едва они переселились в свою комнату, как пришел султан, чтобы сделать комплименты дочери, как принцесса уже не могла больше скрывать от него несчастного обращения, которому она подверглась, и рассказала ему все, что произошло, как она уже связала это со своей матерью. Султан, услышав эти странные вести, посоветовался с великим визирем; и узнав от него, что его сын подвергся еще худшему обращению со стороны невидимой силы, он решил объявить брак расторгнутым, а все празднества, которые должны были продолжаться еще несколько дней, отменить и прекратить.

Эта внезапная перемена в сознании султана породила различные предположения и сообщения. Никто, кроме Аладдина, не знал этой тайны, и он хранил ее в строжайшем молчании; и ни султан, ни великий визирь, забывшие об Аладдине и его просьбе, и не подозревали, что он причастен к странным приключениям, постигшим жениха и невесту.

В тот самый день, когда истекли три месяца, указанные в обещании султана, мать Аладдина снова пошла во дворец и стала на том же месте в

диван. Султан снова узнал ее и приказал своему визирю привести ее к нему.

Повернувшись ниц, она ответила султану: «Сир, я прихожу через три месяца, чтобы просить вас об исполнении обещания, которое вы дали моему сыну» . Султан не думал, что просьба матери Аладдина была обращена к нему всерьез, или что он еще услышит об этом. Поэтому он посоветовался со своим визирем, который предложил султану поставить такие условия брака, которые никто в скромном состоянии Аладдина не мог бы выполнить.

В соответствии с этим предложением визиря султан ответил матери Аладдина: «Добрая женщина, правда, султаны должны держать свое слово, и я готов сдержать свое, сделав твоего сына счастливым в браке с принцессой моя дочь. Но так как я не могу жениться на ней без каких-либо дополнительных доказательств того, что ваш сын может содержать ее в королевском государстве, вы можете сказать ему, что я выполняю свое обещание, как только он пришлет мне сорок подносов с огромным золотом, полных такие же драгоценности, которые вы уже подарили мне, и несли с собой такое же количество черных рабов, которых будет вести столько же молодых и красивых белых рабов, все великолепно одетые. На этих условиях я готов даровать принцессу моя дочь на нем, поэтому, добрая женщина, иди и скажи ему об этом, и я подожду, пока ты принесешь мне его ответ.

Мать Аладдина во второй раз простерлась ниц перед султанским тронem и удалилась. По дороге домой она смеялась про себя над глупым воображением сына. «Откуда, — сказала она, — ему взять столько больших золотых подносов и столько драгоценных камней, чтобы наполнить их? Это совершенно не в его силах, и я думаю, что на этот раз он не очень обрадуется моему посольству» . Вернувшись домой, полная этих мыслей, она рассказала Аладдину все обстоятельства своего свидания с султаном и условия, на которых он согласился на брак. "Султан ожидает вашего ответа немедленно," сказала она; а затем добавил, смеясь: "Я думаю, что он может ждать достаточно долго!"

«Не так долго, мама, как ты себе представляешь» , — ответил Аладдин. «Это требование — сущий пустяк, и оно не станет препятствием для моего брака с принцессой. Я немедленно приготовлюсь удовлетворить его просьбу» .

Аладдин удалился в свои покои, вызвал джинна из лампы и потребовал, чтобы он немедленно подготовил и вручил подарок, прежде чем султан завершит свою утреннюю аудиенцию в соответствии с условиями, в которых она была предписана. Джинн присягнул владельцу лампы и исчез. Через очень короткое время поезд из сорока черных рабов, ведомый таким же количеством белых рабов, появился напротив дома, в котором жил Аладдин. У каждого черного раба на голове была чаша из массивного золота, полная жемчуга, бриллиантов, рубинов и изумрудов. Затем Аладдин обратился к своей матери; «Мадам, пожалуйста, не теряйте времени; прежде чем султан и диван поднимутся, я прошу вас вернуться во дворец с этим подарком в качестве приданого, требуемого для принцессы, чтобы он мог судить по моему усердию и точности о горячем и искреннем желании Я должен заслужить честь этого союза» .

Как только эта пышная процессия во главе с матерью Аладдина двинулась от дома Аладдина, весь город наполнился толпами людей, жаждущих увидеть столь грандиозное зрелище. Изящная осанка, элегантная форма и чудесное сходство каждой рабыни; их могилы ходят на равном расстоянии друг от друга; блеск их украшенных драгоценными камнями поясов и блеск эгретов из драгоценных камней на их тюбанах вызывали величайшее восхищение у зрителей. Поскольку к дворцу им предстояло пройти через несколько улиц, весь путь был усеян толпами зрителей. Действительно, во дворце султана никогда не видели ничего столь прекрасного и блестящего, и богатейшие одежды эмиров его двора не шли ни в какое сравнение с дорогими платьями этих рабов, которых они считали королями.

Так как султан, который был извещен об их приближении, приказал допустить их, они не встретили препятствий и вошли в диван в правильном порядке, одна часть поворачивая направо, а другая налево. После того, как все вошли и образовали полукруг перед султанским тронем, черные рабы положили на ковер золотые подносы, простерлись ниц, коснувшись лбами ковра, и в то же время белые рабы проделали то же самое. Когда они встали, черные рабыни открыли подносы, а затем все встали, скрестив руки на груди.

Тем временем мать Аладдина подошла к подножию трона и, простершись ниц, сказала султану: «Сир, мой сын знает, что этот подарок не заслуживает внимания принцессы Баддир аль-Буддор, но тем не менее надеется, что ваш Ваше величество примет это и сделает это приемлемым для принцессы, и с большим доверием, так как он старался соответствовать условиям, которые вы изволили наложить» .

Султан, ошеломленный видом такого более чем царского великолепия, без колебаний ответил на слова матери Аладдина: «Иди и скажи своему сыну, что я жду с распростертыми объятиями, чтобы обнять его; и чем больше он спешит прийти и принять принцессу, моя дочь, из моих рук, тем большее удовольствие он доставит мне» . Как только мать Аладдина удалилась, султан прекратил аудиенцию; и, поднявшись с трона, приказал, чтобы слуги принцессы пришли и внесли подносы в комнату их госпожи, куда он сам отправился, чтобы осмотреть их с нею на досуге. Во дворец ввели восемьдесят рабов; и султан, рассказав принцессе об их великолепном одеянии, приказал привести их к ее покоям, чтобы она могла видеть сквозь решетку, которую он не преувеличил в своем рассказе о них.

Тем временем мать Аладдина вернулась домой и своим видом и выражением лица показала хорошие новости, которые она принесла своему сыну. «Сын мой, — сказала она, — можешь радоваться, что достиг пика своих желаний. Султан объявил, что ты женишься на принцессе Баддир аль-Буддор. Он ждет тебя с нетерпением» .

Аладдин, восхищенный этой новостью, почти ничего не ответил матери, а удалился в свою комнату. Там он потерял свою лампу, и появился послушный джинн. «Джинн, — сказал Аладдин, — немедленно отведи меня в ванну и дай мне самую богатую и великолепную одежду, которую когда-либо носил монарх» .

Едва эти слова сорвались с его уст, как джинн сделал его, как и себя самого, невидимыми и перенес в хумум из тончайшего мрамора всех цветов, где он был раздет, не видя кем, в великолепный и просторный зал. Затем его хорошо натерли и омывали различными душистыми водами. После того, как он прошел через несколько степеней жара, он вышел совсем другим человеком, чем был прежде. Кожа у него была чистая, как у ребенка, тело легкое и свободное; а когда он вернулся в холл, то нашел вместо своего бедного одеяния платье, великолепие которого поразило его. Джинн помог ему одеться, а когда он это сделал, перенес его обратно в его комнату, где он спросил его, есть ли у него какие-либо другие команды. "Да," ответил Аладдин; «Принесите мне коня, который по красоте и доброте превосходит лучших в конюшнях султана, с седлом, уздой и другими попонами, соответствующими его стоимости. Приведите также двадцать рабов, столь же богато одетых, как те, которые несли подарок султану. , чтобы идти рядом со мной и следовать за мной, и еще двадцать, чтобы идти передо мной в два ряда. Кроме того, приведите к моей матери шесть рабынь, чтобы они сопровождали ее, столь же богато одетых, по крайней мере, как любая из принцессы Баддир аль-Буддор, каждая несла полное платье, подходящее для любой султанши. Мне нужно еще десять тысяч золотых в десять кошельков;

Как только Аладдин отдал этот приказ, джинн исчез, но вскоре вернулся с лошадью, сороку рабынями, десять из которых несли по кошельку с десятью тысячами золотых монет, и шестью рабынями, каждая из которых несла на голове разные платья для матери Аладдина, завернутые в кусок серебряной ткани, и подарили их все Аладдину.

Он представил шесть женщин-рабынь своей матери, сказав ей, что они ее рабыни и что платья, которые они принесли, предназначены для нее. Из десяти кошельков Аладдин взял четыре, которые отдал своей матери, сказав ей, что они должны снабжать ее всем необходимым; остальные шесть он оставил в руках рабов, которые их принесли, с приказанием бросать их горстями среди людей, когда они шли к султанскому дворцу. Шестерым рабам, несшим кошельки, он также приказал идти впереди себя, трем по правую руку и трем по левую.

Когда Аладдин таким образом подготовился к своему первому свиданию с султаном, он отпустил джинна и тотчас же вскочил на своего коня и начал свой марш, и хотя он никогда раньше не садился верхом, он появился с грацией, которой мог бы позавидовать самый опытный наездник. Бесчисленное скопление людей, через которые он проходил, сотрясало воздух от их возгласов, особенно каждый раз, когда шестеро рабов, несших кошельки, швыряли в народ пригоршни золота.

По прибытии Аладдина во дворец султан был удивлен, увидев, что он одет еще роскошнее и роскошнее, чем когда-либо сам, и был впечатлен его красотой и достоинством манер, которые так отличались от того, что он ожидал от сына Аладдина. такая скромная, как мать Аладдина. Он обнял его со всеми проявлениями радости и, когда он хотел упасть к его ногам, взял его за руку и усадил возле своего трона. Вскоре после этого он привел его под звуки труб, гобоев и всевозможной музыки на великолепное угощение, на котором султан и Аладдин ели в одиночестве.

и знатные вельможи двора, в зависимости от их ранга и достоинства, сидели за разными столами. После пира султан послал за главным кади и велел ему составить брачный контракт между принцессой Баддир аль-Буддор и Аладдином. Когда контракт был составлен, султан спросил Аладдина, останется ли он во дворце и завершит церемонию бракосочетания в тот же день.

«Сир, — сказал Аладдин, — хотя мне не терпится воспользоваться честью, дарованной мне вашим величеством, все же прошу вас разрешить мне сначала построить дворец, достойный принять принцессу, вашу дочь. Достаточно земли рядом с вашим дворцом, и я постараюсь завершить его с максимальной скоростью» .

Султан удовлетворил его просьбу и снова обнял его. После чего он распрощался с такой вежливостью, как будто был воспитан и всегда жил при дворе.

Аладдин вернулся домой в том же порядке, в каком пришел, под возгласы народа, желавшего ему счастья и процветания. Как только он спешил, он удалился в свою комнату, взял лампу и, как обычно, призвал джинна, который заявил о своей верности.

«Джинн, — сказал Аладдин, — построй мне дворец, достойный принять принцессу Баддир аль-Буддор. Пусть его материалы будут сделаны из порфира, яшмы, агата, лазурита и лучшего мрамора. Пусть его стены будут массивными. золотых и серебряных кирпичей, уложенных попеременно. Пусть в каждом фасаде будет по шесть окон, и пусть решетки их (кроме одного, которое нужно оставить незаконченным) пусть будут украшены бриллиантами, рубинами и изумрудами, так что они превзойдут все подобные когда-либо. Да будет перед дворцом внутренний и внешний двор и просторный сад, но прежде всего приготовьте безопасную сокровищницу и наполните ее золотом и серебром. и склады, конюшни, полные лучших лошадей, с их конюхами и конюхами, а также охотничье снаряжение, офицеры, слуги и рабы, как мужчины, так и женщины, чтобы составить свиту для принцессы и меня. Иди и исполни мое желание» .

Когда Аладдин отдал эти команды джинну, солнце село. На следующее утро, на рассвете, явился джинн и, получив согласие Аладдина, мгновенно перенес его в построенный им дворец. Джинн провел его по всем покоям, где нашел офицеров и рабов, одетых соответственно своему званию и службе, на которую они были назначены. Затем джинн показал ему сокровищницу, которую открыл казначей, где Аладдин увидел большие вазы разных размеров, доверху набитые деньгами, расставленные по всей комнате. Оттуда джинн привел его в конюшню, где стояли одни из лучших в мире лошадей, а конюхи занимались их дрессировкой; оттуда они отправились в амбары, которые были наполнены всем необходимым, как для еды, так и для украшения.

Когда Аладдин осмотрел каждую часть дворца, и особенно зал с двадцатью четырьмя окнами, и обнаружил, что он намного превосходит его самые заветные ожидания, он сказал: «Джинн, мне не хватает одного — прекрасного ковра для принцессы, чтобы идти от султанского дворца к моему. Немедленно положите одну» .

Джинн исчез, и Аладдин увидел, как в одно мгновение исполнилось то, что он желал. Затем джинн вернулся и отнес его в свой дом.

Когда султанские привратники подошли, чтобы открыть ворота, они были поражены, увидев то, что было пустым садом, заполненным великолепным дворцом, и великолепный ковер, простирающийся до него на всем пути от султанского дворца. Они рассказали странную весть великому визирю, который сообщил султану, который воскликнул: «Должно быть, это дворец Аладдина, который я разрешил ему построить для моей дочери. сделать всего за одну ночь» .

Аладдин, когда джинн перенес его в его собственный дом, попросил свою мать пойти к принцессе Баддир аль-Буддор и сказать ей, что дворец будет готов к ее приему вечером. Она пошла в сопровождении своих рабынь в том же порядке, что и накануне. Вскоре после ее появления в покоях принцессы вошел сам султан и был удивлен, увидев, что она, которую он знал как свою просительницу на своем диване в таком скромном обличье, теперь одета богаче и роскошнее, чем его собственная дочь. Это дало ему более высокое мнение об Аладдине, который так заботился о своей матери, и заставил ее разделить его богатство и почести. Вскоре после ее отъезда Аладдин, оседлав коня и сопровождаемый свитой великолепных слуг, навсегда покинул отчий дом и отправился во дворец с той же пышностью, что и накануне.

Он не забыл взять с собой и чудесную лампу, которой он был обязан всем своим счастьем, и носить кольцо, данное ему как талисман. Султан угостил Аладдина с величайшей роскошью, а ночью, по завершении брачных церемоний, принцесса попрощалась со своим отцом султаном. Музыкальные оркестры возглавляли процессию, за ними следовала сотня государственных приставов и такое же количество черных немых, выстроившихся в две шеренги со своими офицерами во главе. Четыреста молодых пажей султана несли с каждой стороны факелы, что вместе с иллюминацией дворцов султана и Аладдина делало его светлым как день. В таком порядке принцесса, перевозимая на своих носилках, а также в сопровождении матери Аладдина, которую несли на великолепных носилках и в сопровождении своих рабынь, проследовала по ковру, расстеленному от султанского дворца к дворцу Аладдина. По ее прибытии Аладдин был готов встретить ее у входа и провел в большой зал, освещенный бесконечным числом восковых свечей, где был сервирован благородный пир. Блюда были из массивного золота и содержали самые изысканные яства. Вазы, тазы и кубки были также золотыми и искусной работы, и все остальные украшения и украшения зала соответствовали этому показу. Принцесса, ослепленная, увидев столько богатств, собранных в одном месте, сказала Аладдину: «Я думала, принц, что нет ничего на свете прекраснее, чем дворец султана моего отца, но одного вида этого зала достаточно, чтобы понять, Меня обманули."

Когда ужин закончился, вошла компания танцовщиц, которые выступили, согласно обычаю страны, одновременно распевая стихи во славу жениха и невесты.

Около полуночи мать Аладдина провела невесту в брачные апартаменты, и вскоре после этого он удалился.

На следующее утро слуги Аладдина явились, чтобы одеть его, и принесли ему другую одежду, такую же богатую и роскошную, как та, что была надета накануне. Затем он приказал приготовить одну из лошадей, сел на нее и отправился в окружении большого отряда рабов во дворец султана, чтобы умолять его отобедать во дворце принцессы в сопровождении своего великого визиря и всех остальных владыки его двора. Султан с радостью согласился, тотчас встал и в сопровождении главных сановников своего дворца, а за ними всех знатных вельмож своего двора, сопровождал Аладдина.

Чем ближе султан подходил к дворцу Аладдина, тем больше его поражала его красота; но когда он вошел в него, вошел в залу и увидел окна, украшенные бриллиантами, рубинами, изумрудами, всеми крупными, совершенными камнями, то совершенно удивился и сказал своему зятю: «Этот дворец — один из чудеса света, ибо где еще на свете мы найдем стены, построенные из огромного количества золота и серебра, и окна из бриллиантов, рубинов и изумрудов? с одним из его окон незаконченным и незавершенным» . «Сир, — ответил Аладдин, — это упущение было преднамеренным, так как я хотел, чтобы вы удостоились славы завершения этого зала» . «Я благосклонно отношусь к вашему намерению, — сказал султан, — и немедленно распоряжусь об этом» .

После того, как султан закончил это великолепное развлечение, устроенное для него и его двора Аладдином, ему сообщили, что присутствовали ювелиры и ювелиры; на что он вернулся в зал, и показал им окно, которое было незакончено. «Я послал за вами, — сказал он, — чтобы вы украсили это окно так же безупречно, как и все остальные. Осмотрите их хорошенько и сделайте все, что сможете» .

Ювелиры и золотых дел мастера с большим вниманием осмотрели двадцать три окна и, посоветовавшись друг с другом, чтобы узнать, что каждый из них мог бы украсить, вернулись и предстали перед султаном, главный ювелир которого, взяв на себя обязательство говорить за остальных, сказал: «Сир, мы все готовы приложить все наши усилия и усердие, чтобы повиноваться вам, но среди нас всех мы не можем предоставить достаточно драгоценностей для такой великой работы» . "У меня есть больше, чем необходимо," сказал султан; «Приходи в мой дворец, и ты выберешь то, что может соответствовать твоей цели» .

Когда султан вернулся в свой дворец, он приказал принести свои драгоценности, и ювелиры взяли большое количество, особенно те, что подарил ему Аладдин, которые они вскоре использовали, не продвинувшись в своей работе. Приходили еще несколько раз за добавкой и за месяц не сделали и половины своей работы. Короче говоря, они использовали все драгоценности, которые были у султана и позаимствовали у визиря, но дело не было сделано и наполовину.

Аладдин, зная, что все старания султана сделать это окно таким же, как и все остальные, тщетны, послал за ювелирами и золотых дел мастерами и не только велел им прекратить работу, но и велел им разорвать начатое и нести все свои драгоценности султану и визирю. За несколько часов они расстегнули то, что делали шесть недель, и удалились, оставив Аладдина одного в холле. Он взял лампу, которую носил с собой, потерял ее, и вскоре появился джинн. — Джинн, — сказал Аладдин, — я приказал тебе

оставь одно из двадцати четырех окон этого зала несовершенно, и ты точно выполнил мои приказы; Теперь я хотел бы, чтобы ты сделал его таким же, как и остальные». Джинн немедленно исчез. Аладдин вышел из зала и, вернувшись вскоре после этого, нашел окно, как он и хотел, как и другие.

Тем временем ювелиры и мастера по золоту отправились во дворец и были представлены султану, где главный ювелир представил принесенные им драгоценные камни. Султан спросил их, дал ли Аладдин какую-либо причину для этого, и они ответили, что он не дал им никакой, он приказал привести лошадь, на которой он сел и поехал во дворец своего зятя с некоторыми несколькими служителями пешком, чтобы узнать, почему он приказал остановить завершение окна. Аладдин встретил его у ворот и, не отвечая на его вопросы, провел его в большой салон, где султан, к своему великому удивлению, обнаружил окно, которое было оставлено несовершенно, чтобы точно соответствовать другим. Он вообразил сначала, что ошибся, и осмотрел два окна с каждой стороны, а потом все двадцать четыре; но когда он убедился, что окно, над которым так долго работали несколько рабочих, было готово за столь короткое время, он обнял Аладдина и поцеловал его между глаз. «Сын мой, — сказал он, — какой ты человек, раз в мгновение ока совершаешь такие удивительные вещи! В мире нет твоего товарища; чем больше я узнаю, тем больше восхищаюсь тобой».

Султан вернулся во дворец и после этого часто подходил к окну, чтобы созерцать и любоваться чудесным дворцом своего зятя.

Аладдин не замыкался в своем дворце, а ходил с большой роскошью, то в одну мечеть, то в другую, на молитвы, или к великому визирю, или к высшим вельможам двора. Каждый раз, когда он выходил, он заставлял двух рабов, которые шли рядом с его лошадью, бросать горсти денег в людей, когда он проходил по улицам и площадям. Эта щедрость снискала ему любовь и благословение людей, и для них было обычным делом клясться его головой. Таким образом, Аладдин, хотя и проявлял все уважение к султану, своим приветливым поведением и щедростью завоевал расположение народа.

Аладдин вел себя таким образом несколько лет, когда африканский волшебник, который на несколько лет изгнал его из своих воспоминаний, решил с уверенностью узнать, погиб ли он, как он предполагал, в подземной пещере или нет. После того, как он прибегнул к длительному курсу магических церемоний и составил гороскоп, по которому можно было узнать судьбу Аладдина, каково же было его удивление, когда он обнаружил, что Аладдин, вместо того чтобы умереть в пещере, сбежал, и жил в царственном великолепии с помощью джинна из чудесной лампы!

На другой же день волхв отправился и с величайшей поспешностью отправился в столицу Китая, где по прибытии поселился у хана.

Затем он быстро узнал о богатстве, благотворительности, счастье и великолепном дворце принца Аладдина. Едва увидев чудесную ткань, он понял, что никто, кроме джинов, рабов лампы, не мог сотворить такие чудеса; и, задетый до глубины души высоким поместьем Аладдина, он вернулся к хану.

По возвращении он прибегнул к операции геомантии, чтобы выяснить, где находится лампа — носил ли ее Аладдин с собой или где он ее оставил. Результат его консультации сообщил ему, к его большой радости, что лампа была во дворце. «Что ж, — сказал он, радостно потирая руки, — я возьму лампу и верну Аладдина в его первоначальное жалкое состояние» .

На следующий день волшебник узнал от главного надзирателя хана, у которого он поселился, что Аладдин отправился на охоту, которая должна была длиться восемь дней, из которых только три истекли. Волшебник больше ничего не хотел знать. Он сразу решил на свои планы. Он пошел к меднику и попросил дюжину медных ламп; хозяин лавки сказал ему, что у него не так много с собой, но если он потерпит до завтра, он приготовит их. Волшебник назначил ему время и попросил его позаботиться о том, чтобы они были красивыми и хорошо отполированными.

На следующий день волшебник потребовал двенадцать ламп, заплатил человеку полную цену, положил их в корзину, висевшую у него на руке, и отправился прямо во дворец Аладдина. Подойдя, он начал кричать: «Кто поменяет старые лампы на новые?» Пока он шел, собралась толпа детей, которые улюлюкали и думали, что он, как и все проходящие мимо, сумасшедший или дурак, чтобы предложить поменять новые лампы на старые.

Африканский фокусник не обращал внимания на их насмешки, улюлюканье и все, что они могли ему сказать, а продолжал кричать: «Кто поменяет старые лампы на новые?» Он так часто повторял это, расхаживая взад и вперед перед дворцом, что княгиня, находившаяся тогда в зале с двадцатью четырьмя окнами, услышав, как мужчина что-то кричит, и увидев, как вокруг него столпилась большая толпа, послала одну из своих рабынь узнать, что он кричит.

Рабыня вернулась, смеясь так от души, что принцесса упрекнула ее. -- Сударыня, -- ответил раб, все еще смеясь, -- кто может удержаться от смеха, видя, как старик с корзиной на руке, полной прекрасных новых ламп, просит заменить их на старые? Дети и толпа толпятся вокруг него. так что он едва может шевелиться, шуметь, как только могут, в насмешку над ним» .

Другая рабыня, услышав это, сказала: «Теперь вы говорите о лампах, я не знаю, заметила ли их принцесса, но на полке в гардеробной принца Аладдина есть старая лампа, и тот, кто владеет ею, не станет Жалко найти новую вместо нее. Если принцесса захочет, она может иметь удовольствие попробовать, не настолько ли этот старик глуп, чтобы отдать новую лампу за старую, ничего не взяв взамен.

Принцесса, которая не знала ценности этой лампы и интереса Аладдина к ее сохранности, приняла участие в любезности и приказала рабу взять ее и произвести обмен. Раб повиновался, вышел из зала и не успел дойти до дворцовых ворот, как увидел африканского мага, окликнул его и, показывая ему старую лампу, сказал: «Дайте мне для этого новую лампу» .

Фокусник никогда не сомневался, что это была именно та лампа, которую он хотел. Другого такого не могло быть в этом дворце, где каждая утварь была золотой или серебряной. Он жадно выхватил его из рук раба и, как можно глубже вонзив себе в грудь,

предложил ему свою корзину и попросил выбрать то, что ему больше нравится. Раб выбрал один и отнес принцессе; но не успела перемена, как помещение зазвенело от криков детей, высмеивающих безумие волшебника.

Африканский волшебник больше не оставался возле дворца и больше не кричал: «Новые лампы для старых!» но сделал все возможное, чтобы его путь к своему хану. Его конец был отвечен; и своим молчанием он избавился от детей и толпы.

Как только два дворца скрылись из виду, он поспешил по малолюдным улицам; и, так как у него больше не было необходимости ни в лампах, ни в корзине, он уселся в таком месте, где его никто не видел. Затем, пройдя еще одну или две улицы, он шел, пока не пришел к одним из городских ворот, и, продолжая свой путь через предместья, которые были очень обширны, наконец достиг уединенного места, где он остановился до темноты ночи, как наиболее подходящее время для задуманного им замысла. Когда совсем стемнело, он вытащил лампу из груди и потерял ее. На этот зов явился джинн и сказал: «Что тебе угодно? Я готов повиноваться тебе как твой раб и раб всех тех, у кого в руках эта лампа, как я, так и другие рабы лампы. " «Я приказываю тебе, — ответил волшебник, — немедленно перевезти меня и дворец, который ты и другие рабы лампы построили в этом мире, со всеми живущими в нем людьми, в Африку» . Джинн ничего не ответил, но с помощью других джиннов, рабов лампы, немедленно перенес его и весь дворец в то место, куда он хотел его доставить.

Рано утром следующего дня, когда султан, по обычаю, отправился созерцать и любоваться дворцом Аладдина, его изумлению не было предела, обнаружив, что его нигде не видно. Он не мог понять, как такой большой дворец, который он ясно видел каждый день в течение нескольких лет, исчез так быстро, не оставив после себя ни малейшего остатка. В своем замешательстве он приказал срочно послать за великим визирем.

Великий визирь, который втайне не питал к Аладдину расположения, высказал подозрение, что дворец был построен с помощью магии и что Аладдин использовал свою охотничью вылазку как предлог для сноса своего дворца с той же внезапностью, с какой он был воздвигнут. . Он убедил султана послать отряд своей охраны и схватить Аладдина как государственного узника. Когда его зятя привели к нему, он не хотел слышать от него ни слова, но приказал убить его. Указ вызвал такое недовольство народа, чью любовь Аладдин заручился своими щедротами и милостыней, что султан, опасаясь восстания, был вынужден даровать ему жизнь. Когда Аладдин оказался на свободе, он снова обратился к султану: «Сир, прошу вас сообщить мне о преступлении, из-за которого я лишился вашего расположения» . «Ваше преступление, — ответил султан, — несчастный человек! Разве вы не знаете его? Следуйте за мной, и я покажу вам» . Затем султан отвел Аладдина в покои, откуда он имел обыкновение любоваться своим дворцом, и сказал: «Вы должны знать, где стоял ваш дворец. Смотри! Помни и скажи мне, что с ним стало» . Аладдин так и сделал и, совершенно пораженный потерей своего дворца, потерял дар речи. Наконец, опомнившись, он сказал: «Правда, я не вижу дворца. Он исчез, но я не беспокоился о его удалении.

дайте мне сорок дней, и если за это время я не смогу восстановить ее, я предложу свою голову, чтобы вы избавились от нее по вашему желанию» . «Я даю вам время, которое вы просите, но по истечении сорока дней забудьте себя передо мной» .

Аладдин вышел из дворца султана в состоянии крайнего унижения.

Лорды, которые ухаживали за ним во времена его величия, теперь отказывались иметь с ним какое-либо общение. Три дня он бродил по городу, возбуждая удивление и сострадание толпы, расспрашивая всех встречных, видели ли они его дворец и могут ли что-нибудь рассказать ему о нем. На третий день он забрел в деревню и, приближаясь к реке, упал на берег с такой силой, что с такой силой натер кольцо, которое дал ему волшебник, держась за камень, чтобы спастись. Там, где он лежал, появился тот самый джинн, которого он видел в пещере, где его оставил волшебник. "Что бы вы хотели?" — сказал джинн. «Я готов повиноваться тебе как твой раб и раб всех тех, у кого это кольцо на пальце; и я, и другие рабы кольца» .

Аладдин, приятно удивленный предложением о помощи, которого так мало ждали, ответил: «Джинн, покажи мне, где сейчас стоит дворец, который я приказал построить, или перенеси его туда, где он стоял сначала» . «Ваша команда, — ответил джинн, — не совсем в моей власти; я только раб кольца, а не лампы» . «Тогда я приказываю тебе, — ответил Аладдин, — силой кольца перенести меня туда, где стоит мой дворец, в какой бы части мира он ни находился» . Не успели эти слова сорваться с его уст, как джинн перенес его в Африку, на середину большой равнины, где стоял его дворец, недалеко от города, и, поместив его как раз под окном кабинета принцессы, оставил его.

Случилось так, что вскоре после того, как Аладдин был перенесен рабом кольца в окрестности своего дворца, один из слуг принцессы Баддир аль-Буддор, выглянув в окно, заметил его и тут же сообщил об этом своей госпоже. Принцесса, не поверившая радостным известиям, поспешила к окну и, увидев Аладдина, тут же отворила его. Шум открывающегося окна заставил Аладдина повернуть голову в эту сторону, и, увидев принцессу, он отсалютовал ей с видом, выразившим его радость.

«Чтобы не терять времени, — сказала она ему, — я послала, чтобы вам открыли дверь. Входите и поднимайтесь» .

Личная дверь, находившаяся как раз под апартаментами принцессы, вскоре открылась, и Аладдина провели в комнату. Невозможно выразить радость обоих видеть друг друга после столь жестокой разлуки. Обнявшись и обливаясь слезами радости, они сели, и Аладдин сказал: «Умоляю вас, принцесса, скажите мне, что стало со старой лампой, которая стояла на полке в моей гардеробной?»

"Увы!" — ответила княгиня. — Я боялась, что наше несчастье может быть связано с этой лампой, и что меня больше всего огорчает, так это то, что я была его причиной. Я был достаточно глуп, чтобы поменять старую лампу на новую, и на следующее утро я оказался в этой неизвестной стране, которая, как мне сказали, это Африка» .

— Принцесса, — перебил ее Аладдин, — вы все объяснили, сказав, что мы в Африке. Я хочу, чтобы вы только сказали мне, знаете ли вы, где сейчас старая лампа. -- Африканский волшебник бережно носит его завернутым на груди, -- сказала принцесса. «И в этом я могу вас уверить, потому что он вытащил его передо мной и с торжеством показал мне» .

«Принцесса, — сказал Аладдин, — я думаю, что нашел способ освободить вас и вернуть себе лампу, от которой зависит все мое благополучие. Чтобы выполнить этот замысел, мне необходимо отправиться в город. вернусь к полудню и сообщу вам, что вы должны сделать, чтобы добиться успеха. А пока я переоденусь и прошу, чтобы личная дверь была открыта при первом же стуке» .

Когда Аладдин вышел из дворца, он огляделся вокруг себя во все стороны и, заметив крестьянина, идущего в деревню, поспешил за ним; и когда он догнал его, сделал ему предложение переодеться, на что мужчина согласился. Когда они совершили обмен, земляк пошел по своим делам, а Аладдин вошел в соседний город. Пройдя несколько улиц, он пришел в ту часть города, где у купцов и ремесленников были свои особые улицы по их промыслам. Он вошел в аптеку и, войдя в одну из самых больших и лучше всего обставленных лавок, спросил аптекаря, нет ли у него определенного порошка, который он назвал.

Аптекарь, посчитав Аладдина по его привычке очень бедным, сказал ему, что он у него есть, но очень дорогой. На что Аладдин, проникнув в его мысли, вытащил свой кошелек и, показав ему немного золота, попросил полдрахма порошка, который аптекарь взвесил и дал ему, сказав ему, что цена - кусок золота. Аладдин сунул ему в руку деньги и поспешил во дворец, куда тотчас же вошел через частную дверь. Когда он вошел в комнату принцессы, он сказал ей: «Принцесса, вы должны принять участие в замысле, который я предлагаю для нашего избавления. попросите его оказать вам услугу, приняв участие в угощении в ваших покоях.Прежде чем он уйдет, попросите его обменяться с вами чашками, что он, довольный оказанной вам честью, с радостью сделает, когда вы должны будете дать ему чашку, содержащую этот порошок ... Выпив его, он мгновенно заснет, и мы получим лампу, чьи рабы будут выполнять все наши приказы, и вернут нас и дворец в столицу Китая» .

Княгиня полностью подчинялась указаниям мужа. Она приняла довольный вид при очередном визите фокусника и попросила его угостить, на что он охотно согласился. В конце вечера, в течение которого принцесса старалась изо всех сил, чтобы доставить ему удовольствие, она попросила его обменяться с ней чашками и, дав сигнал, велела принести ей чашу с наркотиком, которую она отдала волшебнику. Он выпил его из комплимента княжне до последней капли и упал навзничь бездыханный на диван.

Принцесса, в ожидании успеха своего плана, так разместила своих женщин из большого зала к подножию лестницы, что не успели сообщить, что африканский волшебник упал навзничь, как дверь открылась и Аладдин допустили в зал. Принцесса встала со своего места и

бежала от радости, чтобы обнять его; но он остановил ее и сказал: «Принцесса, отправляйтесь в свою комнату и оставьте меня в покое, пока я постараюсь перевезти вас обратно в Китай так же быстро, как вы были доставлены оттуда» .

Когда принцесса, ее женщины и рабыни вышли из зала, Аладдин закрыл дверь и, подойдя прямо к мертвому телу волшебника, распахнул жилет, вынул тщательно завернутую лампу и потерял ее. , тут же появился джинн. «Джинн, — сказал Аладдин, — я приказываю тебе немедленно перенести этот дворец туда, откуда он был доставлен сюда» .

Джинн склонил голову в знак повиновения и исчез. Немедленно дворец был перевезен в Китай, и его удаление ощущалось только двумя небольшими толчками, один, когда он был поднят, другой, когда он был установлен, и оба в очень короткий промежуток времени.

На следующее утро после восстановления дворца Аладдина султан смотрел в окно и оплакивал судьбу своей дочери, когда ему показалось, что он увидел, что вакансия, созданная исчезновением дворца, снова заполняется. Приглядевшись повнимательнее, он убедился вне всякого сомнения, что это дворец его зятя. Радость и радость сменились печалью и печалью. Он тотчас приказал оседлать лошадь, на которую тотчас же сел, думая, что не сможет поспешить к месту.

Аладдин встал в то утро на рассвете, надел один из самых роскошных нарядов, которые давал его гардероб, и поднялся в зал с двадцатью четырьмя окнами, откуда он заметил приближающегося султана, и встретил его у подножия большой лестницы. помогая ему слезть.

Он привел султана в апартаменты принцессы. Счастливый отец обнял ее со слезами радости; и принцесса, со своей стороны, дала такие же показания о своем чрезвычайном удовольствии. После короткого перерыва, посвященного взаимным разъяснениям всего случившегося, султан вернул Аладдина в свою милость и выразил сожаление по поводу явной резкости, с которой тот обошелся с ним. «Сын мой, — сказал он, — не расстраивайся из-за моих действий против тебя; они произошли от моей отеческой любви, и поэтому ты должен простить крайности, к которым она меня подтолкнула» . «Сир, — ответил Аладдин, — у меня нет ни малейших причин жаловаться на ваше поведение, поскольку вы не сделали ничего, кроме того, что требовал ваш долг. Этот гнусный волшебник, подлец из людей, был единственной причиной моего несчастья» .

Африканский волшебник, который таким образом дважды потерпел неудачу в своем стремлении погубить Аладдина, имел младшего брата, который был таким же искусным волшебником, как и он сам, и превосходил его в злобе и ненависти к людям. По обоюдному согласию они связывались друг с другом один раз в год, как бы далеко ни было их место жительства друг от друга. Младший брат, не получив, как обычно, своего ежегодного сообщения, приготовился составить гороскоп и выяснить, что происходит с братом. Он, как и его брат, всегда носил с собой геомантический квадратный инструмент; он подготовил песок, набросал точки и нарисовал фигуры. Изучив планетарный кристалл, он обнаружил, что его брата уже нет в живых, а он был отравлен; и по другому наблюдению, что он был в столице королевства Китая; также, что

человек, отравивший его, был незнатного происхождения, хотя и был женат на принцессе, дочери султана.

Когда волшебник узнал о судьбе своего брата, он решил немедленно отомстить за его смерть и тотчас же отправился в Китай; куда, без промедления пересекши равнины, реки, горы, пустыни и длинный участок страны, он прибыл после невероятного утомления. Приехав в столицу Китая, он снял квартиру у хана. Его магическое искусство вскоре открыло ему, что Аладдин был человеком, который стал причиной смерти его брата. Он также слышал, как все известные люди в городе говорили о женщине по имени Фатима, которая удалилась от мира, и о чудесах, которые она творила. Так как он вообразил, что эта женщина может быть полезна ему в задуманном им замысле, он сделал более подробные расспросы и попросил сообщить ему более подробно, кто эта святая женщина и какие чудеса она совершала.

"Что!" — сказал человек, к которому он обратился, — разве вы никогда не видели и не слышали о ней? Она вызывает восхищение всего города своим постом, аскезой и образцовой жизнью. Кроме понедельника и пятницы, она никогда не выходит из своей маленькой кельи; и в те дни, когда она приходит в город, она приносит бесконечное количество добра, ибо нет человека, который бы заболел, но она возлагала на него руку и исцеляла его» .

Выяснив место, где находился скит святой, волшебник пошел ночью и, вонзив кинжал ей в сердце, убил эту добрую женщину. Утром он выкрасил свое лицо в тот же цвет, что и ее, и, облачившись в ее одежду, взяв ее вуаль, большое ожерелье, которое она носила вокруг талии, и ее трость, отправился прямо во дворец Аладдина.

Как только люди увидели святую женщину, как они представляли себе его, они тут же собрались вокруг него большой толпой. Одни просили у него благословения, другие целовали ему руку, а другие, более сдержанные, только край его одежды; в то время как другие, страдающие от болезни, наклонялись к нему, чтобы возложить на них руки, что он и делал, бормоча несколько слов в виде молитвы и, короче говоря, притворяясь так хорошо, что все принимали его за святую женщину. Наконец он вышел на площадь перед дворцом Аладдина. Толпа и шум были так велики, что княгиня, находившаяся в зале двадцати четырех окон, услышала это и спросила, в чем дело. Одна из ее женщин рассказала ей, что вокруг святой женщины собралось великое множество народа, чтобы излечиться от болезней наложением ее рук.

Княгиня, давно слышавшая об этой святой женщине, но никогда не видевшая ее, очень желала поговорить с нею; Увидев это, старший офицер сказал ей, что привести ее к ней несложно, если она пожелает и прикажет. и княгиня, высказав свои пожелания, тотчас послал за мнимой святой четырех рабынь.

Как только толпа увидела служителей из дворца, они расступились; и волшебник, поняв также, что они идут за ним, двинулся им навстречу, вне себя от радости, обнаружив, что его план удался. «Святая женщина, — сказал один из рабов, — принцесса хочет видеть тебя и послала нас за тобой» . "Принцесса

делает мне слишком большую честь, — ответила фальшивая Фатима, — я готова подчиниться ее приказу, — и в то же время последовала за рабами во дворец.

Когда притворная Фатима поклонилась, принцесса сказала: «Дорогая матушка, у меня есть одна просьба, в которой ты не должна мне отказывать: остаться со мной, чтобы ты могла назидать меня своим образом жизни. , и что я могу учиться на вашем хорошем примере ". «Принцесса, — сказала поддельная Фатима, — умоляю вас не просить того, на что я не могу согласиться, не пренебрегая моими молитвами и преданностью» . "Это не будет помехой для вас," ответила принцесса; «У меня очень много свободных квартир; вы можете выбрать ту, которая вам больше нравится, и иметь такую же свободу совершать свои обряды, как если бы вы были в своей собственной камере» .

Волшебник, который на самом деле не желал ничего другого, кроме как войти во дворец, где ему было бы гораздо легче осуществить свои замыслы, не долго извинялся, что принял любезное предложение, сделанное ему принцессой. — Принцесса, — сказал он, — какое бы решение ни приняла такая несчастная женщина, как я, отказаться от пышности и величия этого мира, я не осмеливаюсь противиться воле и приказам столь набожной и милосердной принцессы.

На это княгиня, поднявшись, сказала: «Пойдем со мной, я покажу вам, какие у меня есть свободные покои, чтобы вы могли выбрать то, что вам больше нравится» . Волшебник последовал за принцессой и из всех квартир, которые она ему показала, выбрал самую худшую, сказав, что она слишком хороша для него и что он принимает ее только для того, чтобы доставить ей удовольствие.

После этого принцесса снова привела бы его в большой зал, чтобы он угостил ее обедом; но он, полагая, что тогда ему придется показать свое лицо, которое он всегда старался скрыть под покрывалом Фатимы, и опасаясь, что принцесса узнает, что он не Фатима, горячо просил ее извинить его, сказав: ей, что он никогда не ел ничего, кроме хлеба и сухофруктов, и желал съесть эту легкую трапезу в своей собственной квартире. Княгиня удовлетворила его просьбу, сказав: «Вы можете быть здесь так же свободны, добрая матушка, как если бы вы были в своей собственной келье: я прикажу вам обед, но помните, что я жду вас, как только вы закончите свою трапезу» .

После того, как принцесса пообедала и один из служителей послал за фальшивой Фатимой, он снова прислуживал ей.

«Дорогая матушка, — сказала принцесса, — я очень рада видеть такую святую женщину, как вы, которая благословит этот дворец. Но теперь я говорю о дворце, скажите, как вам он нравится? Я покажу тебе все это, скажи мне сначала, что ты думаешь об этом зале» .

На этот вопрос фальшивая Фатима осмотрела зал от конца до конца. Осмотрев его как следует, он сказал принцессе: «Насколько может судить такое одинокое существо, как я, незнакомое с тем, что мир называет прекрасным, этот зал поистине достоин восхищения; здесь есть только одно. " — Что это, добрая мать? потребовала принцесса; — Скажи мне, я заклинаю тебя. Что до меня, то я всегда верил и слышал, что оно ни в чем не нуждалось, но если захочет, оно будет обеспечено.

«Принцесса, — сказала фальшивая Фатима с большим притворством, — простите меня за вольность, которую я позволила себе; но мое мнение таково, если оно может иметь какое-то значение, что если бы яйцо рухи было повешено посреди купола, этому залу не было бы равных на всех четырех сторонах света, а твой дворец был бы чудом вселенной» .

«Дорогая матушка, — сказала принцесса, — что такое рух и где взять яйцо?»
«Принцесса, — ответила притворная Фатима, — это огромная птица, обитающая на вершине Кавказа; архитектор, построивший ваш дворец, может достать вам ее» .

После того, как княгиня поблагодарила фальшивую Фатиму за то, что она поверила ее доброму совету, она поговорила с ней о других вещах; но не могла забыть яйцо рухи, которое она решила попросить у Аладдина, когда он в следующий раз посетит ее покои. Он так и сделал в течение того же вечера, и вскоре после того, как он вошел, княгиня так обратилась к нему: «Я всегда думала, что наш дворец был самым превосходным, великолепным и полным в мире; но теперь я скажу вам, что он хочет, а это яйцо рухи подвешено посреди купола» . — Принцесса, — ответил Аладдин, — достаточно того, что ты думаешь, что ему нужно такое украшение; по тому усердию, с которым я его добыл, ты увидишь, что нет ничего, чего бы я не сделал ради тебя.

В этот момент Аладдин покинул принцессу Баддир аль-Буддор и поднялся в зал с двадцатью четырьмя окнами, где, вытащив из-за груди лампу, которую после опасности, которой он подвергся, он всегда носил с собой, он потерял его; на котором сразу же появился джинн. «Джинн, — сказал Аладдин, — я приказываю тебе во имя этой лампы принести яйцо рухи и повесить его посреди купола зала дворца» .

Едва Аладдин произнес эти слова, как зал задрожал, словно готовый упасть; и сказал джинн громким и страшным голосом: «Мало ли того, что я и другие рабы лампы сделали для тебя все, но ты, по неслыханной неблагодарности, должен приказывать мне привести моего господина и повесить его посреди этого купола? Эта попытка заслуживает того, чтобы вы, принцесса, и дворец были немедленно обращены в пепел; но вы пощажены, потому что эта просьба исходит не от вас. Ее истинный автор - брат Африканский маг, ваш враг, которого вы уничтожили. Он сейчас в вашем дворце, переодетый в платье святой женщины Фатимы, которую он убил; по его наущению ваша жена предъявляет это пагубное требование. Его намерение убить вас, поэтому берегите себя» . После этих слов джинн исчез.

Аладдин сразу решил, что делать. Он вернулся в комнату княгини и, не сказав ни слова о том, что случилось, сел и пожаловался на сильную боль, внезапно охватившую его голову. Услышав это, принцесса рассказала ему, как она пригласила святую Фатиму остаться с ней и что она сейчас во дворце; и по просьбе князя велел тотчас же позвать ее к себе.

Когда явилась Фатима, Аладдин сказал: «Подойди сюда, добрая мать, я рад видеть тебя здесь в такое счастливое время.

боли в моей голове, и прошу вашей помощи, и надеюсь, что вы не откажете мне в том лекарстве, которое вы даете страдающим людям» .

Сказав так, он поднялся, но опустил голову. Фальшивая Фатима приближалась к нему, все время держа руку на кинжале, спрятанном за поясом под мантией; Увидев это, Аладдин выхватил оружие из его руки, пронзил его собственным кинжалом в сердце, а затем толкнул на пол.

"Мой дорогой принц, что вы сделали?" воскликнула принцесса в удивлении. "Вы убили святую женщину!" -- Нет, моя принцесса, -- взволнованно ответил Аладдин, -- я убил не Фатиму, а злодея, который убил бы меня, если бы я не помешал ему. брат волшебника, который пытался нас погубить. Он задушил настоящую Фатиму и переоделся в ее одежду с намерением убить меня» .

Затем Аладдин сообщил ей, как джин рассказал ему эти факты, и как чудом она и дворец избежали разрушения благодаря его предательскому предложению, которое привело к ее просьбе.

Так Аладдин был избавлен от преследования двух братьев-волшебников. Через несколько лет после этого султан умер в глубокой старости, и, поскольку он не оставил детей мужского пола, ему наследовала принцесса Баддир аль-Буддор, и она и Аладдин правили вместе много лет, оставив многочисленное и знатное потомство.

СИНДБАД МОРЯК

В царствование того же халифа Гаруна аль-Рашида, о котором мы уже слышали, жил в Багдаде бедный привратник по имени Хиндбад. Однажды, когда погода была слишком жаркой, его наняли нести тяжелую ношу из одного конца города в другой. Сильно утомившись, он снял свою ношу и сел на нее возле большого особняка.

Он был очень доволен, что остановился в этом месте; ибо приятный запах дерева, алоэ и пастилок, доносившийся из дома, смешиваясь с ароматом розовой воды, наполнял ароматом и бальзамировал воздух. Кроме того, он услышал изнутри концерт инструментальной музыки в сопровождении стройных нот соловьев и других птиц. Эта очаровательная мелодия и запах различных вкусных блюд навели привратника на мысль, что внутри царит пир с великим весельем. Он подошел к некоторым из слуг, которых он увидел стоящим у ворот в великолепных одеждах, и спросил имя хозяина. «Как, — сказал один из них, — вы живете в Багдаде и не знаете, что это дом Синдбада-мореплавателя, знаменитого путешественника, совершившего кругосветное плавание?»

Привратник поднял глаза к небу и сказал достаточно громко, чтобы было слышно: «Всемогущий Творец всего сущего, подумай о разнице между Синдбадом и мной! хлеба для меня и моей семьи, в то время как счастливый Синдбад тратит огромные богатства и ведет жизнь, полную удовольствий.

получить от Тебя много столь приятного? И чем я заслужил такого несчастного?»

Пока привратник так предавался своей меланхолии, из дома вышел слуга и, взяв его под руку, велел следовать за собой, ибо Синдбад, его хозяин, хотел поговорить с ним. Слуги ввели его в большой зал, где вокруг стола, уставленного всевозможными вкусными блюдами, сидело несколько человек. На верхнем конце сидел благообразный, почтенный джентльмен с длинной седой бородой, а позади него стояло несколько офицеров и слуг, готовых исполнить его удовольствие. Этим человеком был Синдбад. Хиндбад, чей страх усилился при виде стольких людей и такого пышного пира, с трепетом отсалютовал собравшимся. Синдбад пригласил его подойти поближе и, усадив по правую руку от себя, сам угостил его и налил превосходного вина, которого на буфете было в изобилии.

Так вот, Синдбад слышал жалобы носильщика через окно, и именно это побудило его привести его сюда. Когда трапеза закончилась, Синдбад обратился к Хиндбаду, спросил его имя и место работы и сказал: «Я хотел бы услышать из ваших собственных уст, что вы недавно сказали на улице.

На эту просьбу Хиндбад в замешательстве опустил голову и ответил: «Милорд, я признаюсь, что моя усталость вывела меня из себя и заставила произнести несколько нескромных слов, за которые я прошу прощения» . -- Не думайте, что я так несправедлив, -- продолжал Синдбад, -- чтобы возмущаться такой жалобой. Но я должен исправить вашу ошибку относительно самого себя. Вы, без сомнения, думаете, что я без труда и труда обрел ту легкость и снисходительность, которые я теперь наслаждаюсь. Но не заблуждайтесь: я не достиг этого счастливого состояния, не претерпев в течение нескольких лет больше физических и душевных страданий, чем можно себе представить. Да, господа, -- прибавил он, обращаясь ко всей компании, что мои страдания носили столь необычайный характер, что лишили бы величайшего скупца его любви к богатству, и, поскольку сейчас предоставляется возможность, я, с вашего разрешения, расскажу об опасностях, с которыми я столкнулся, которые, я думаю, не будут вам неинтересно» .

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Мой отец был богатым купцом. Он завещал мне большое имение, которое я растратил в разгульной жизни. Я быстро понял, что зря трачу свое время, самое ценное из всех вещей. Я вспомнил изречение великого Соломона, которое я часто слышал от своего отца: «Доброе имя лучше, чем драгоценное миро» ; и еще: «Мудрость хороша при наследстве» . Я решил пойти путем отца, заключил договор с несколькими купцами и сел с ними на корабль, который мы вместе оснастили.

Мы отплыли и взяли курс на Индию через Персидский залив. Сначала меня мучила морская болезнь, но вскоре я выздоровел. В нашем путешествии мы заходили на несколько островов, где продавали или обменивали наши товары. Однажды мы замерли у небольшого островка, но немного приподнятого над уровнем воды и похожего на зеленый луг. Капитан приказал своим

свернуть паруса и разрешил приземляться желающим. Пока мы наслаждались едой и питьем и оправлялись от морской усталости, остров вдруг вздрогнул и ужасно потряс нас.

На борту корабля заметили, как дрожит остров, и нас призвали как можно скорее вернуться на борт, чтобы не потеряться. ибо то, что мы приняли за остров, оказалось спиной морского чудовища.

Самые проворные сели в шлюпки, другие пустились вплавь; но что касается меня, то я все еще был на острове, когда он исчез в море, и у меня было только время, чтобы схватиться за кусок дерева, который мы вынесли с корабля, чтобы разжечь костер. Между тем капитан, приняв на борт тех, кто был на шлюпе, и подхватив некоторых из плававших, решил воспользоваться только что поднявшимся попутным ветром и, подняв паруса, продолжил свое плавание.

Так я был подвержен милости волн остаток дня и следующую ночь. К этому времени я обнаружил, что мои силы иссякли, и я уже отчаялся спасти свою жизнь, когда, к счастью, волна выбросила меня на остров. Берег был высоким и крутым, так что я едва смог бы подняться, если бы не корни нескольких деревьев, которые я нашел в пределах досягаемости. Когда взошло солнце, я был очень слаб. Я нашел некоторые травы, пригодные для еды, и мне посчастливилось обнаружить источник с превосходной водой. После этого я продвинулся дальше вглубь острова и, наконец, достиг прекрасной равнины, где заметил кормящихся лошадей. По пути к ним я услышал мужской голос, который спросил меня, кто я такой. Я рассказал ему о своем приключении, после чего, взяв меня за руку, он повел меня в пещеру, где было еще несколько человек, не менее изумленных, увидев меня, чем я их.

Я отведал немного еды, которую они предложили мне, и спросил их, что они делают в таком пустынном месте; на что они ответили, что они конюхи правителя острова и что каждый год они привозят сюда королевских лошадей на пастбище. Они должны были вернуться домой на следующий день, и если бы я вернулся на день позже, я должен был бы погибнуть, потому что обитаемая часть острова была очень далеко, и мне было бы невозможно добраться до нее без проводника.

На следующее утро они вернулись в столицу острова, взяли меня с собой и представили своему королю. Он спросил меня, кто я такой и каким приключением я попал в его владения. После того, как я удовлетворил его, он приказал, чтобы я ни в чем не нуждался.

Будучи торговцем, я часто посещал людей моей профессии и особенно наводил справки о тех, кто был чужаком, чтобы, быть может, узнать новости из Багдада или найти возможность вернуться. Ведь столица Махараджи расположена на берегу моря и имеет прекрасную гавань, куда ежедневно прибывают корабли из разных концов света. Я также часто посещал общество ученых индийцев и с удовольствием слушал их разговоры; но в то же время я позаботился о том, чтобы регулярно встречаться с махараджей и беседовать с правителями и мелкими правителями, его данниками, которые были вокруг него. Они задают тысячи вопросов относительно моей страны; и я, желая ознакомиться с их законами и обычаями, расспрашивал их обо всем, что, по моему мнению, стоило знать.

Этому королю принадлежит остров Кассель.

Они уверяли меня, что каждую ночь там слышался грохот барабанов, откуда моряки вообразили, что это резиденция Дегиала. Я решил посетить это чудесное место и на своем пути видел рыб длиной в 100 и 200 локтей, которые вызывали больше страха, чем вреда; ибо они настолько боязливы, что улетают от грохота двух палок или досок. Видел я и других рыб длиной около локтя с головами, как у сов.

Когда я был однажды в порту после моего возвращения, прибыл корабль, на котором я сел в Бусоре. Я сразу узнал капитана и пошел просить у него свои тюки. «Я Синдбад, — сказал я, — и эти тюки, отмеченные его именем, принадлежат мне» .

Когда капитан услышал, как я говорю таким образом, "Небеса!" — воскликнул он. — Кому мы можем доверять в эти времена? Я своими глазами видел, как погиб Синдбад, как и пассажиры на борту, и все же ты говоришь мне, что ты и есть этот Синдбад. Что это за дерзость! скажи, чтобы завладеть тем, что тебе не принадлежит!» "Имейте терпение," ответил я; "сделай мне одолжение, чтобы услышать то, что я должен сказать." В конце концов капитан убедился, что я не мошенник; ибо с его корабля прибыли люди, которые знали меня, говорили мне большие комплименты и очень обрадовались, увидев меня живым. Наконец он сам вспомнил обо мне и, обняв меня, сказал: «Слава Богу, — сказал он, — за ваше счастливое спасение! Не могу выразить радости, которую оно мне доставляет.

Я вытащил из своих тюков самое ценное и подарил их махарадже, который, зная о моем несчастье, спросил меня, откуда у меня такие редкости.

Я ознакомил его с обстоятельствами их выздоровления. Он был доволен моей удачей, принял мой подарок, а взамен дал гораздо более значительный. После этого я распрощался с ним и отправился на тот же корабль, после того как обменял свои товары на товары этой страны. Я взял с собой древесину алоэ, сандалии, камфир, мускатный орех, гвоздику, перец и имбирь.

Мы миновали несколько островов и, наконец, прибыли в Бассору, откуда я прибыл в этот город с ценой в 100 000 блесток.

На этом Синдбад остановился и приказал музыкантам продолжать концерт, прерванный рассказом. Когда наступил вечер, Синдбад послал за кошельком со 100 блестками и, отдав его носильщику, сказал: «Возьми это, Хиндбад, возвращайся домой и приходи завтра, чтобы узнать больше о моих приключениях» . Швейцар ушел, пораженный оказанной ему честью и сделанным ему подарком. Рассказ об этом приключении очень понравился его жене и детям, которые не преминули отблагодарить их за то, что providение послало им через Синдбада.

На следующий день Хиндбад надел свою лучшую одежду и вернулся к щедрому путешественнику, который принял его с приятным видом и сердечно приветствовал. Когда все гости собрались, был подан обед, который продолжался долго. Когда оно закончилось, Синдбад, обращаясь к компании, сказал: «Господа, будьте любезны выслушать о приключениях моего второго путешествия. Они заслуживают вашего внимания даже больше, чем приключения первого» . На что все замолчали, и Синдбад продолжил.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Я намеревался после первого плавания провести остаток дней в Багдаде, но вскоре устал от праздной жизни и вышел в море во второй раз с торговцами, известными своей честностью. Мы сели на хороший корабль и, порекомендовав себя Богу, отплыли. Мы торговали с острова на остров и обменивались товарами с большой прибылью. Однажды мы высадились на остров, поросший несколькими видами фруктовых деревьев, но мы не могли видеть ни человека, ни зверя. Мы шли по лугам, вдоль ручьев, которые их поливали. Пока одни развлекались собиранием цветов и фруктов, я взял вино и припасы и сел у ручья между двумя высокими деревьями, образующими густую тень. Я хорошо поел, а потом заснул. Не знаю, сколько я проспал, но когда я проснулся, корабля уже не было.

В этом печальном состоянии я был готов умереть от горя.

Я вскрикнул от боли, ударил себя по голове и груди и бросился на землю, где и пролежал некоторое время в отчаянии. Я сто раз корил себя за то, что не удовлетворился плодами своего первого путешествия, которых могло бы хватить на всю жизнь. Но все это было напрасно, и мое раскаяние пришло слишком поздно. Наконец я смирился с волей Божией. Не зная, что делать, я взобрался на вершину высокого дерева, с которого огляделся во все стороны, не найду ли я чего-нибудь, что могло бы дать мне надежду. Когда я смотрел на море, я не мог видеть ничего, кроме неба и воды; но, взглянув на землю, я увидел что-то белое; и, спустившись, я взял то, что у меня осталось, и пошел к нему, так как расстояние было так велико, что я не мог различить, что это было.

Подойдя ближе, я подумал, что это белый купол необычайной высоты и протяженности; и когда я подошел к нему, я потрогал его и нашел, что он очень гладкий. Я обошел вокруг, чтобы посмотреть, открыта ли она с какой-либо стороны, но увидел, что это не так, и что на вершину нельзя взобраться, так как она такая гладкая. Это было по крайней мере в пятидесяти шагах вокруг.

К этому времени солнце уже почти село, и вдруг небо стало таким темным, как будто оно было закрыто густым облаком. Я был очень удивлен этой внезапной тьме, но еще больше, когда я обнаружил, что она вызвана птицей чудовищных размеров, которая летела ко мне. Я вспомнил, что часто слышал, как моряки говорили о чудесной птице, называемой рухой, и подумал, что огромный купол, которым я так восхищался, должен быть ее яйцом. Короче говоря, птица села и села над яйцом. Увидев ее приближение, я подкрался близко к яйцу, так что передо мной оказалась одна из ног птицы, которая была величиной с ствол дерева.

Я крепко привязал себя к нему своим тюрбаном в надежде, что на следующее утро рух унесет меня с этого необитаемого острова. Проведя в таком состоянии ночь, птица улетела, как только рассвело, и унесла меня так высоко, что я не мог различить земли; потом она спустилась с такой скоростью, что я потерял сознание. Но когда я очутился на земле, то быстро развязал узел, и едва успел сделать это, как рух, подхватив своим клювом чудовищно длинной змеи, улетел прочь.

Место, где он оставил меня, было со всех сторон окружено горами, которые, казалось, возвышались над облаками и были такими крутыми, что не было никакой возможности

выход из долины. Это было новое недоумение; так что, когда я сравнил это место с необитаемым островом, с которого меня привезли рухи, я обнаружил, что ничего не выиграл от этой перемены.

Когда я шел по этой долине, я заметил, что она усеяна алмазами, некоторые из которых были удивительного размера. Я с удовольствием смотрел на них; но вскоре увидел вдалеке такие предметы, которые сильно уменьшили мое удовлетворение и на которые я не мог смотреть без ужаса, а именно, множество змей, таких чудовищных, что самая маленькая из них была способна проглотить слона. Днем они удалялись в свои берлоги, где прятались от рух, своего врага, и выходили только ночью.

Я провел день, гуляя по долине, отдыхая время от времени в таких местах, которые считал наиболее удобными. Когда наступила ночь, я вошел в пещеру, где, как я думал, смогу отдохнуть в безопасности. Я закрепил вход, который был низким и узким, большим камнем, чтобы уберечь себя от змей, но не настолько, чтобы исключить свет. Я поужинал частью своей провизии, но змеи, которые зашипели вокруг меня, привели меня в такой ужас, что я не спал. Когда наступил день, змеи удалились, и я, дрожа, вышел из пещеры. Я могу справедливо сказать, что ходил по бриллиантам, не чувствуя никакого желания прикоснуться к ним. Наконец я сел и, несмотря на свои опасения, не сомкнув за ночь глаз, заснул, съев еще немного провизии. Но едва я закрыл глаза, как меня разбудило что-то, что с громким шумом упало на меня. Это был большой кусок сырого мяса; и в то же время я видел, как несколько других упали со скал в разных местах. Мне всегда казалось невероятным то, что я слышал от моряков и других людей, рассказывавших о долине алмазов и о хитростях, применяемых торговцами для получения оттуда драгоценностей; но теперь я обнаружил, что они не говорили ничего, кроме правды. Дело в том, что купцы прилетают в окрестности этой долины, когда у орлов есть птенцы, и, бросая в долину большие куски мяса, алмазы, на которые они падают, прилипают к ним; орлы, которые в этой стране сильнее, чем где бы то ни было, с большой силой набрасываются на эти куски мяса и несут их в свои гнезда на обрывах скал, чтобы накормить птенцов: купцы в это время бегут к своим гнездам, тревожат и отгоняют орлов их криками, и отнимают бриллианты, прилипшие к мясу.

Я увидел в этом устройстве средство моего избавления.

Собрав вместе самые большие бриллианты, какие только смог найти, и сложив их в кожаный мешок, в котором я обычно носил свою провизию, я взял самый большой из кусков мяса, плотно обвязал его тканью своего тюрбана, а затем легла на землю лицом вниз, мешочек с бриллиантами был привязан к моему поясу.

Едва я принял эту позу, как один из орлов, подхватив меня с куском мяса, к которому я был привязан, унес меня в свое гнездо на вершине горы. Купцы тотчас закричали, чтобы орлов спугнуть; и когда они заставили их бросить свою добычу, один из них пришел в гнездо, где я был. Он очень встревожился, увидев меня; но

опомнившись, вместо того, чтобы спросить, как я сюда попал, стал со мной ссориться и спрашивать, почему я украл его добро. — Вы будете обращаться со мной, — ответил я, — более любезно, когда узнаете меня лучше. Не беспокойтесь, у меня достаточно бриллиантов для вас и для меня, больше, чем у всех других купцов вместе взятых. Все, что у них есть, они обязаны случаю; но я выбрал для себя на дне долины те, которые вы видите в этом мешке». Едва я закончил говорить, как другие купцы столпились вокруг нас, очень удивленные, увидев меня; но они были удивлены еще больше, когда Я рассказал им свою историю.

Они отвели меня в свой лагерь; и там, открыв мою сумку, они удивились величине моих бриллиантов и признались, что никогда не видели таких размеров и совершенства. Я умолял купца, которому принадлежало гнездо, в которое меня перенесли (ибо у каждого купца было свое), взять на свою долю столько, сколько ему угодно. Он удовлетворился одним, и притом наименьшим из них; и когда я настаивал на том, чтобы он взял еще, не опасаясь причинить мне какой-либо вред, "Нет, - сказал он, - я очень доволен этим, что достаточно ценно, чтобы избавить меня от необходимости совершать еще какие-либо путешествия, и собрать столько состояния, сколько я пожелаю».

Я провел ночь с купцами, которым я рассказал свой рассказ во второй раз, для удовлетворения тех, кто не слышал его. Я не мог умерить свою радость, когда обнаружил, что избавился от упомянутой опасности. Я думал, что я во сне, и едва мог поверить, что я вне опасности.

Купцы уже несколько дней бросали в долину свои куски мяса; и каждый из них, удовлетворившись алмазами, выпавшими на его долю, на следующее утро мы покинули это место и отправились в путешествие вблизи высоких гор, где водились змеи огромной длины, от которых нам посчастливилось убежать.

Мы сели на корабль в первом же попавшемся порту и причалили к острову Роха, где растут деревья, дающие камфир. Это дерево такое большое, а его ветви такие толстые, что под его тенью может легко уместиться сто человек. Сок, из которого делают камфир, вытекает из отверстия, просверленного в верхней части дерева, поступает в сосуд, где загустевает до консистенции и становится тем, что мы называем камфиром. После того, как сок вытянут таким образом, дерево увядает и умирает.

На этом острове также водится носорог, животное меньше слона, но крупнее буйвола.

На носу у него рог длиной около локтя; этот рог твердый, с расщелиной посередине. Носорог сражается со слоном, вонзает свой рог ему в живот и уносит на голове; но кровь и жир слона попали ему в глаза и ослепили его, и он упал на землю; а затем, как это ни странно, появляется рух и уносит их обоих в своих когтях на еду для своих детенышей.

Я пропускаю многие другие особенности этого острова, чтобы не утомить вас. Здесь я обменял часть своих бриллиантов на товары.

Отсюда мы отправились к другим островам и, наконец, зайдя в несколько торговых городов континента, высадились в Буссоре, откуда я и отправился дальше.

в Багдад. Там я сразу же дал большие подарки беднякам и с честью жил на огромное богатство, которое я купил и нажил с таким трудом.

Таким образом, Синдбад закончил рассказ о втором путешествии, дал Хиндбаду еще сто блесков и пригласил его прийти на следующий день, чтобы услышать отчет о третьем.

ТРЕТИЙ ПУТЕШЕСТВИЕ

Вскоре мне снова надоело жить праздной жизнью, и, ожесточившись против мысли о всякой опасности, я отправился с несколькими купцами в новое дальнее плавание. Мы заходили в несколько портов, где торговали. Однажды нас настигла ужасная буря, которая сбила нас с курса.

Шторм продолжался несколько дней и привел нас к порту острова, на который капитан очень не хотел заходить; но мы были вынуждены бросить якорь. Когда мы свернули паруса, капитан сказал нам, что этот и некоторые другие соседние острова населены мохнатыми дикарями, которые скоро нападут на нас; и хотя они были всего лишь карликами, тем не менее мы не должны оказывать сопротивления, ибо их было больше, чем саранчи; и если бы нам случилось убить одного, они все набросились бы на нас и уничтожили нас.

Вскоре мы обнаружили, что то, что сказал нам капитан, было слишком правдой. Неисчислимое множество страшных дикарей, около двух футов ростом, покрытых рыжими волосами, поплыли к нам и окружили наш корабль. Они болтали, приближаясь, но мы не понимали их языка. Они карабкались по бортам корабля с такой ловкостью, что это нас удивило. Они сняли наши паруса, перерезали канат и, вытащив на берег, заставили нас всех выйти, а потом перенесли корабль на другой остров, откуда они пришли. Продвигаясь вперед, мы заметили на расстоянии громадную грудку зданий и направились к ней.

Мы обнаружили, что это дворец, элегантно построенный и очень высокий, с воротами из черного дерева с двумя створками, которые мы открыли. Мы увидели перед собой большую комнату с крыльцом, с одной стороны которой грудка человеческих костей, а с другой — огромное количество вертелов. Мы трепетали при этом зрелище и были охвачены смертельным страхом, как вдруг ворота квартиры с громким треском отворились, и вышла страшная фигура черного человека, ростом с высокую пальму. У него был только один глаз, и тот находился посередине лба, где он ярко пылал, как горящий уголь. Его передние зубы были очень длинными и острыми и торчали изо рта, который был таким же глубоким, как у лошади. Его верхняя губа свисала на грудь. Его уши походили на слоновьи и закрывали плечи; и его ногти были такими же длинными и кривыми, как когти самых больших птиц.

При виде такого ужасного джинна мы потеряли сознание и лежали, как мертвые.

Наконец мы пришли в себя и увидели, что он сидит на крыльце и смотрит на нас. Осмотрев нас хорошенько, он подошел к нам и, возложив на меня руку, взял меня за затылок и повернул, как мясник баранью голову. Осмотрев меня и увидев, что я такой худой, что у меня нет ничего, кроме кожи да костей, он отпустил меня. Он взял на себя все остальное

один за другим и рассматривал их одинаково. Капитан, будучи самым толстым, держал его одной рукой, как я воробья, и проткнул его слюной; Затем он разжег большой огонь, зажарил и съел его в своей квартире на ужин. Покончив с трапезой, он вернулся на свое крыльцо, где лег и заснул, храпя громче грома. Так он проспал до утра. Что касается нас самих, то мы не могли наслаждаться отдыхом, так что провели ночь в самых мучительных опасениях, какие только можно себе представить. Когда рассвело, великан проснулся, встал, вышел и оставил нас во дворце.

На следующую ночь мы решили отомстить жестокому великану и сделали это следующим образом. После того, как он снова доел свой нечеловеческий ужин на другом из наших моряков, он лег на спину и заснул. Как только мы услышали, как он храпит по своему обыкновению, девять самых смелых среди нас и я взяли каждый из нас по вертелам и, положив их кончики в его огонь, пока они не раскалились, мы сунули их ему в глаз. все сразу, и ослепил его. Боль заставила его разразиться страшным воплем: он вскочил и протянул руки, чтобы принести в жертву своей ярости некоторых из нас; но мы бежали в такие места, куда он не мог добраться; и после того, как он тщетно искал нас, он нащупал ворота и вышел, воя в агонии.

Мы немедленно покинули дворец и подошли к берегу, где соорудили несколько плотов, каждый из которых мог бы вместить трех человек, с древесиной, которая была в большом количестве. Мы ждали дня, чтобы добраться до них, ибо надеялись, что, если великан не появится к восходу солнца и не прекратит свой вой, который мы все еще слышали, он окажется мертвым; и если бы это случилось, мы решили остаться на этом острове и не рисковать своей жизнью на плоту. Но едва наступил день, как мы увидели нашего жестокого врага в сопровождении двух других, почти таких же размеров, ведущих его; и многие другие приближались к нему в быстром темпе.

Мы без колебаний сели на плоты и со всей возможной скоростью вышли в море. Великаны, заметив это, схватили большие камни и, подбежав к берегу, вошли в воду до середины и бросили так точно, что потопили все плоты, кроме тех, на которых был я; и все мои товарищи, кроме двоих со мной, утонули. Мы гребли изо всех сил и оказались вне досягаемости великанов. Но когда мы вышли в море, мы подверглись милости волн и ветров и провели тот день и следующую ночь в самой мучительной неуверенности в своей судьбе; но на следующее утро нам посчастливилось оказаться на острове, где мы высадились с большой радостью. Мы нашли превосходные плоды, которые доставили нам большое облегчение и набрали силы.

Ночью мы легли спать на берегу моря; но были разбужены шумом змеи удивительной длины и толщины, чья чешуя издавала шуршащий звук, когда он извивался. Он проглотил одного из моих товарищей, несмотря на его громкие крики и усилия, которые он приложил, чтобы выбраться из него; швырнув его несколько раз об землю, она раздавила его, и мы могли слышать, как она грызла и рвала кости бедняги, хотя мы и убежали на значительное расстояние. На следующий день, к нашему великому ужасу, мы снова увидели змея, когда я воскликнул: «О небо, каким опасностям мы подвергаемся!»

избежали жестокости великана и ярости волн, теперь мы впали в другую опасность, не менее ужасную» .

Прогуливаясь, мы увидели большое высокое дерево, на котором решили провести следующую ночь для нашей безопасности; и, утолив свой голод фруктами, мы сели на него соответствующим образом. Вскоре после этого змея с шипением подошла к подножию дерева; приподнялся над его стволом и, встретившись с моим товарищем, сидевшим ниже меня, тотчас проглотил его и ушел.

Я оставался на дереве до рассвета, а затем спустился вниз, больше похожий на мертвеца, чем на живого, ожидая той же участи с двумя моими товарищами. Это наполнило меня ужасом, и я сделал несколько шагов, чтобы броситься в море; но я устоял перед этим велением отчаяния и подчинился воле Бога, распоряжающегося нашими жизнями по Своей воле.

Тем временем я собрал большое количество деревяшек, терновника и сухих колючек и, сколотив из них хворост, сделал из них широкий круг вокруг дерева, а также привязал некоторые из них к ветвям над головой. Сделав это, когда наступил вечер, я замкнулся в этом кругу с меланхолическим удовлетворением, что я не упустил ничего, что могло бы уберечь меня от жестокой судьбы, которая мне угрожала. Змей не пришел в обычный час и обошел дерево, ища случая поглотить меня, но ему помешал вал, который я построил; так что он лежал до дня, как кошка, напрасно высматривающая мышь, которая, к счастью, добралась до безопасного места.

Когда рассвело, он удалился, а я не осмеливался покинуть свой форт, пока не взошло солнце.

Бог сжалился над моим безнадежным состоянием; ибо как раз в тот момент, когда я в порыве отчаяния собирался броситься в море, я заметил вдалеке корабль. Я крикнула так громко, как только могла, и, развернув полотно моего тюрбана, показала его, чтобы они могли наблюдать за мной. Это имело желаемый эффект; Команда заметила меня, и капитан послал за мной свою шлюпку. Как только я поднялся на борт, купцы и моряки столпились вокруг меня, чтобы узнать, как я попал на этот необитаемый остров; и после того, как я рассказал им обо всем, что случилось со мной, самые старые из них сказали, что они несколько раз слышали о великанах, обитавших на том острове, что они были людоедами; а что касается змей, они добавили, что на острове их много; что они прятались днем и выходили ночью. Выразив свою радость по поводу того, что я избежал стольких опасностей, они принесли мне лучшую из своих провизий; и отвел меня к капитану, который, увидев, что я в лохмотьях, отдал мне один из своих костюмов. Глядя на него пристально, я знал, что это тот человек, который во втором моем плавании оставил меня на острове, где я заснул, и плыл без меня, или послал искать меня.

Меня не удивило, что он, считая меня мертвым, не узнал меня.

«Капитан, — сказал я, — посмотри на меня, и ты узнаешь, что я Синдбад, которого ты оставил на необитаемом острове» .

Капитан, внимательно рассмотрев меня, узнал меня.

«Слава Богу!» сказал он, обнимая меня; «Я рад, что судьба исправила мою ошибку. Вот ваше добро, которое я всегда заботился о сбережении» .

Я взял их у него и поблагодарил за заботу о них.

Мы еще некоторое время плыли по морю, коснулись нескольких островов и, наконец, высадились на острове Салабат, где добывают сандаловое дерево, широко используемое в медицине.

С острова Салабат мы отправились на другой, где я запасся гвоздикой, корицей и другими пряностями. Когда мы отплыли от этого острова, мы увидели черепаху двадцати локтей в длину и ширину. Мы наблюдали также земноводное животное вроде коровы, которое давало молоко; его кожа настолько тверда, что из нее обычно делают щиты. Я видел другого, имевшего форму и цвет верблюда.

Короче говоря, после долгого путешествия я прибыл в Бассору и оттуда вернулся в Багдад с таким богатством, что я не знал его размеров. Я много раздал беднякам и купил еще немалое имение вдобавок к тому, что у меня уже было.

Так Синдбад закончил рассказ о своем третьем путешествии. Он дал еще сотню блесков Хиндбаду и снова пригласил его на обед на следующий день, чтобы послушать.

ЧЕТВЕРТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

После того как я отдохнул от опасностей третьего путешествия, моя страсть к торговле и любовь к новизне вскоре снова взяли верх. Поэтому я уладил свои дела и приготовил запас товаров, пригодных для торговли, которую я намеревался совершить. Я пошел по пути Персии, проехал несколько провинций, а затем прибыл в порт, где и сел на борт. При выходе в море нас настиг такой внезапный порыв ветра, что вынудил капитана спустить реи и принять все другие необходимые меры предосторожности, чтобы предотвратить угрожавшую нам опасность. Но все было напрасно; наши усилия не имели никакого эффекта; паруса разорвались на тысячу частей, и корабль сел на мель; несколько купцов и моряков утонули, а груз пропал.

Мне посчастливилось вместе с несколькими купцами и моряками взобраться на несколько досок, и нас отнесло течением к острову, лежавшему перед нами. Там мы нашли фрукты и родниковую воду, которые спасли нам жизнь. Всю ночь мы пробыли возле того места, где нас выбросило на берег.

На следующее утро, как только взошло солнце, мы исследовали остров и увидели несколько домов, к которым подошли. Как только мы приблизились, нас окружила толпа негров, которые схватили нас, разделили между собой и унесли в свои жилища.

Меня и пятерых моих товарищей отнесли в одно место; здесь они усадили нас и дали нам некоторую траву, которую они сделали знаками нам есть. Мои товарищи, не заметив, что сами негры ничего из этого не съели, думали только о том, чтобы утолить голод, и ели с жадностью. Но я, заподозрив какой-то подвох, даже не стал его пробовать, что и случилось для меня хорошо; ибо вскоре после того, как я заметил, мои спутники потеряли рассудок и, когда говорили со мной, не знали, что говорят.

Потом негры накормили нас рисом, приготовленным на кокосовом масле; и мои товарищи, потерявшие рассудок, жадно ели его. Я тоже принимал его, но

очень экономно. Давали нам эту траву сначала нарочно, чтобы лишить нас чувств, чтобы мы не знали об уготованной нам печальной судьбе; и они снабжали нас рисом, чтобы откормить нас; ибо, будучи каннибалами, они намеревались съесть нас, как только мы растолстеем. Так и случилось, потому что они сожрали моих товарищей, не осознавших своего положения; но мои чувства целы, и вы легко можете догадаться, что вместо того, чтобы толстеть, как и все остальные, я с каждым днем становился все стройнее. Страх смерти, под которым я трудился, превращал всю мою пищу в яд. Я впал в томительную чумку, которая доказала мою безопасность; ибо негры, убив и съев моих товарищей, видя меня иссохшим, тощим и больным, отсрочили мою смерть.

Между тем у меня было много свободы, так что почти никто не обращал внимания на то, что я делал, и это дало мне возможность однажды отойти подальше от домов и бежать. Старик, увидев меня и заподозрив мой замысел, изо всех сил крикнул мне, чтобы я возвращался; но вместо того, чтобы повиноваться ему, я удвоил скорость и быстро скрылся из виду. В это время вокруг домов не было никого, кроме старика, остальные были за границей и не возвращались до ночи, что было у них обычно. Поэтому, будучи уверенным, что они не смогут прибыть вовремя, чтобы преследовать меня, я шел до ночи, когда я остановился, чтобы немного отдохнуть и поесть кое-что из добытой провизии; но я быстро снова отправился вперед и путешествовал семь дней, избегая тех мест, которые казались обитаемыми, и питался большей частью кокосовыми орехами, которые служили мне и пищей, и питьем. На восьмой день я подошел к морю и увидел белых людей, таких же, как я, собирающих перец, которого в том месте было очень много. Я считал это добрым предзнаменованием и без колебаний пошел к ним.

Люди, которые собирали перец, сразу же подходили ко мне, как только видели, и спрашивали меня по-арабски, кто я и откуда. Я был вне себя от радости, услышав, как они говорят на моем родном языке, и удовлетворил их любопытство, рассказав им о своем кораблекрушении и о том, как я попал в руки негров. «Эти негры, — ответили они, — едят людей, и каким чудом вы избежали их жестокости?» Я рассказал им об обстоятельствах, о которых только что упомянул, чему они были очень удивлены.

Я оставался с ними, пока они не собрали свое количество перца, а затем поплыл с ними к острову, откуда они пришли. Они представили меня своему королю, который был хорошим принцем. У него хватило терпения выслушать рассказ о моих приключениях, удививших его, после чего он дал мне одежду и велел заботиться обо мне.

Остров был очень хорошо населен, изобиловал всем, а столица была местом большой торговли. Это приятное убежище было очень удобным для меня после моих несчастий, и доброта этого великодушного принца дополняла мое удовлетворение. Одним словом, не было у него человека, более благосклонного к нему, чем я, и потому каждый при дворе и в городе стремился угодить мне, так что очень скоро на меня смотрели скорее как на туземца, чем на чужака.

Я заметил одну вещь, которая показалась мне очень необычной. Все люди, не исключая самого короля, ехали на лошадях без узды и стремян. Однажды я пошел к рабочему и дал ему модель для изготовления лошадиного седла.

Когда это было сделано, я сам обтянул его бархатом и кожей и вышел золотом. Потом я пошел к кузнецу, который сделал мне удила по образцу, который я ему показал, а также стремя. Когда все было закончено, я представил их королю и посадил на одну из его лошадей. Его величество немедленно сел и был так доволен ими, что выразил свое удовлетворение большими подарками.

Я сделал несколько других для министров и высших должностных лиц его дома, которые снискали мне большую репутацию и уважение.

Поскольку я постоянно ухаживал за королем, он однажды сказал мне: «Синдбад, я люблю тебя, у меня есть к тебе одно требование, которое ты должен выполнить. можешь остаться в моих владениях и не думать больше о своей стране» . Я не посмела сопротивляться воле князя, и он дал мне одну из дам своего двора, знатную, красивую и богатую. Церемонии бракосочетания закончились, я пошел и поселился со своей женой, и некоторое время мы жили вместе в полной гармонии. Однако я не был удовлетворен своим изгнанием; поэтому я намеревался сделать мой побег первой же возможностью и вернуться в Багдад, о чем мое нынешнее поселение, каким бы выгодным оно ни было, не могло заставить меня забыть.

В это время заболела и умерла жена одного из моих соседей, с которым у меня сложилась очень крепкая дружба. Я пошел, чтобы увидеть и утешить его в его горе, и, найдя его погруженным в печаль, я сказал ему, как только я увидел его: «Боже, храни тебя и даруй тебе долгую жизнь» . "Увы!" -- ответил он. -- Как, по-твоему, я получу милость, которую ты мне желаешь? Мне осталось жить не больше часа, потому что сегодня я должен быть похоронен вместе с женой. Таков закон на этом острове. с мертвой женой, а живая жена с мертвым мужем» .

Пока он рассказывал об этом варварском обычае, само отношение к которому леденило мою кровь, его родственники, друзья и соседи пришли помочь на похоронах. Они одели труп женщины в ее богатейшие одежды и все ее драгоценности, как будто это был день ее свадьбы; затем они положили ее на открытые носилки и двинулись к месту погребения. Муж шел первым, рядом с мертвым телом. Они поднялись на высокую гору и, достигнув места своего назначения, взяли большой камень, образовавший устье глубокой ямы, и спустили вниз тело со всей его одеждой и драгоценностями. Тогда муж, обняв своих родных и друзей, позволил без сопротивления положить себя на другой носилки с горшком воды и семью маленькими хлебцами и был спущен таким же образом. Церемония закончилась, устье ямы снова засыпали камнем, и компания вернулась.

Я особо упоминаю об этой церемонии, потому что через несколько недель мне предстояло сыграть главную роль в подобном случае. Увы! моя собственная жена заболела и умерла. Я сделал все возможное, чтобы увещевать короля не подвергать меня, иностранца, этому бесчеловечному закону. Я зря обращался. Король и весь его двор с самыми значительными лицами города стремились смягчить мою скорбь, почтив своим присутствием похоронную церемонию; а по окончании церемонии меня опустили в яму с сосудом, полным воды и семи

буханки. Когда я приблизился к дну, я открыл с помощью слабого света, исходящего сверху, природу этого подземного места. Она казалась бесконечной пещерой и могла быть глубиной около пятидесяти сажень. Некоторое время я жил там на хлебе и воде, когда однажды, как раз когда он был на грани изнеможения, я услышал, как кто-то топит и дышит или задыхается при движении. Я последовал за звуком. Животное, казалось, иногда останавливалось, но всегда убегало и тяжело дышало, когда я приближался. Я долго преследовал его, пока наконец не увидел свет, похожий на звезду. Я продолжал, иногда теряя его из виду, но всегда снова находил его и, наконец, обнаруживал, что он прошел через отверстие в скале, через которое я прошел, и оказался на берегу моря, чему я испытал огромную радость. Я распростерся на берегу, чтобы поблагодарить Бога за эту милость, и вскоре после этого я увидел корабль, направляющийся к тому месту, где я был. Я сделал знак тканью своего тюрбана и позвал команду так громко, как только мог. Они услышали меня и послали лодку, чтобы взять меня на борт. Мне повезло, что эти люди не стали осматривать место, где меня нашли, а без раздумий взяли на борт.

Мы прошли мимо нескольких островов, в том числе острова Колоколов, примерно в десяти днях пути от Серендиба при постоянном ветре и в шести днях пути от острова Кела, где мы высадились. На острове есть свинцовые рудники; также индийские трости и отличный камфир.

Король острова Кела очень богат и могущественен, и остров Колоколов, протяженностью около двух дней пути, также подвластен ему.

Жители настолько варварские, что до сих пор едят человечину. После того, как мы закончили наше движение на этом острове, мы снова вышли в море и зашли в несколько других портов; наконец я счастливо прибыл в Багдад. Из благодарности Богу за Его милости я щедро жертвовал на содержание нескольких мечетей и на пропитание бедняков, а также веселился с друзьями на празднествах и праздниках.

Здесь Синдбад снова подарил Хиндбаду сто блесков и попросил его вернуться с остальными на следующий день в тот же час, чтобы отобедать с ним и услышать рассказ о его пятом путешествии.

ПЯТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Все беды и бедствия, которые я пережил, не могли излечить меня от моей склонности к новым путешествиям. Поэтому я купил товаров и отправился с ними в лучший морской порт; и там, чтобы не зависеть от капитана, а иметь корабль в своем собственном распоряжении, я оставался до тех пор, пока он не был специально построен за мой счет. Когда корабль был готов, я поднялся на борт со своими товарами; но, не имея возможности нагрузить ее, я согласился взять с собой нескольких купцов разных народов с их товарами.

Мы плыли с первым попутным ветром, и после долгого плавания первым местом, которого мы коснулись, был необитаемый остров, где мы нашли яйцо рухи, по размеру равное тому, о котором я упоминал ранее. В нем был молодой рух, только что готовый к вылуплению, и его клюв начал разбивать яйцо. Торговцы, которые приземлились со мной

Яйцо разбило топорами, проделало в нем дырку, вытащило молодого руса по частям и зажарило его. Я напрасно умолял их не связываться с яйцом.

Едва они закончили трапезу, как в воздухе на значительном расстоянии появились два больших облака. Капитан моего корабля, зная по опыту, что они имеют в виду, сказал, что это самец и самка рух, и призвал нас как можно скорее снова погрузиться на борт, чтобы предотвратить несчастье, которое, как он видел, иначе постигнет нас.

Два руха приблизились с ужасающим шумом, который они усилили, когда увидели, что яйцо разбито, а их птенец исчез. Они полетели назад в том же направлении, откуда прибыли, и исчезли на некоторое время, пока мы пускали все паруса, какие только могли, чтобы предотвратить то, что нас постигло.

Вскоре они вернулись, и мы заметили, что каждый из них держит в когтях огромный камень. Когда они подошли прямо к моему кораблю, они зависли, и один из них отпустил свой камень; но благодаря ловкости рулевого он промахнулся мимо нас и упал в море. Другой так точно попал в середину корабля, что расколол его на куски. Все моряки и пассажиры были раздавлены насмерть или упали в море. Я сам был из числа последних; но, когда я снова всплыл, я, к счастью, ухватился за обломок корабля и, пlying то одной, то другой рукой, но всегда крепко держась за доску, ветер и течение благоприятствовали мне, я пришел к остров и благополучно выбрался на берег.

Я сел на траву, чтобы оправиться от усталости, после чего отправился на остров, чтобы исследовать его. Казалось бы, вкусный сад. Повсюду я находил деревья, одни из них приносили зеленые, другие спелые плоды, и потоки свежей чистой воды. Я ел фрукты, которые я нашел превосходными; и выпил воды, которая была очень легкой и хорошей.

Когда я немного продвинулся на остров, я увидел старика, который казался очень слабым и немощным. Он сидел на берегу ручья, и я сначала принял его за человека, потерпевшего кораблекрушение, как и я. Я подошел к нему и отсалютовал ему, но он лишь слегка склонил голову. Я спросил его, почему он сидит так неподвижно; но вместо того, чтобы ответить мне, он сделал мне знак, чтобы я взял его на спину и перенес через ручей.

Я решил, что он действительно нуждается в моей помощи, взял его себе на спину и, перенеся на себя, велел ему слезть и для этого нагнулся, чтобы он мог легко слезть; но вместо того, чтобы сделать это (о чем я смеюсь каждый раз, когда думаю об этом), старик, казавшийся мне совсем дряхлым, проворно закинул ноги мне на шею. Он сел верхом мне на плечи и так крепко схватил меня за горло, что я подумал, что он меня задушит, и потерял сознание.

Несмотря на то, что я потерял сознание, злой старик все еще сидел у меня на шее. Когда я отдышался, он уперся одной ногой мне в бок, а другой так грубо ударил меня, что заставил меня подняться против моей воли. Поднявшись, он велел мне нести его под деревьями и заставлял то и дело останавливаться, чтобы собрать и поесть плодов. Он не покидал своего места весь день; и когда я ложился спать ночью, он ложился со мной, держась за

все еще быстро на моей шее. Каждое утро он щипал меня, чтобы разбудить, а потом заставлял вставать и ходить, подгоняя ногами.

Однажды я нашел несколько сухих тыков, упавших с дерева. Я взял большой и, очистив его, выдавил в него сок винограда, которого было много на острове; наполнив калебасу, я поставил ее в подходящее место и, придя туда снова через несколько дней, попробовал ее и нашел вино настолько хорошим, что оно придало мне новую силу и так взбодрило мой дух, что я начал петь и петь. танцевать, пока я нес свое бремя.

Старик, заметив, какое впечатление это произвело на меня и что я нес его с большей легкостью, чем прежде, сделал мне знак дать ему немного. Я протянул ему калебасу, и спиртное, приятное его вкусу, он выпил. Так как его было много, он вскоре начал петь и передвигаться из стороны в сторону в своем кресле на моих плечах и постепенно сбрасывать со меня ноги. Обнаружив, что он не давит на меня, как прежде, я бросил его на землю, где он лежал неподвижно; Затем я взял большой камень и убил его.

Я был чрезвычайно рад, что таким образом навсегда освободился от этого неприятного человека. Теперь я пошел к берегу, где встретил экипаж корабля, который бросил якорь, чтобы набрать воды; они были удивлены, увидев меня, но еще больше, услышав подробности моих приключений. «Ты попал, — сказали они, — в руки Морского Старика и первый, кто избежал удушения в его злобных объятиях. и он прославил этот остров количеством убитых им людей». Они отнесли меня с собой к капитану, который принял меня очень любезно. Он снова вышел в море, и после нескольких дней плавания мы прибыли в гавань большого города, дома которого нависали над морем.

Один из купцов, который взял меня в свои друзья, пригласил меня пойти с ним. Он дал мне большой мешок и, порекомендовав меня некоторым горожанам, собиравшим кокосовые орехи, попросил их взять меня с собой. «Иди, — сказал он, — следуй за ними и поступай так, как ты видишь, но не отделяйся от них, иначе ты можешь подвергнуть опасности свою жизнь». Сказав это, он дал мне припасов на дорогу, и я отправился с ними.

Мы подошли к густому лесу какао-деревьев, очень высоких, с такими гладкими стволами, что невозможно было взобраться на ветки с плодами. Когда мы вошли в лес, мы увидели множество обезьян разных размеров, которые, как только нас заметили, убежали и с поразительной быстротой вскарабкались на верхушки деревьев.

Торговцы, с которыми я был, собирали камни и бросали их в обезьян на деревьях. Я сделал то же самое; и обезьяны из мести бросали в нас кокосы так быстро и с такими жестами, которые достаточно свидетельствовали об их гневе и негодовании. Мы собирали кокосовые орехи и время от времени бросали камни, чтобы спровоцировать обезьян; так что с помощью этой хитрости мы наполнили свои сумки кокосовыми орехами. Таким образом, я постепенно собирал столько кокосовых орехов, сколько приносило мне значительную сумму.

Нагрузив наше судно кокосовыми орехами, мы отплыли и прошли мимо островов, где в изобилии растет перец. Оттуда мы отправились на остров Комари,

где растет лучшая порода древесины алоэ. Я обменял свое какао на этих двух островах на перец и древесину алоэ и отправился с другими торговцами ловить жемчуг, я нанял ныряльщиков, которые принесли мне несколько очень крупных и чистых. Я сел на судно, которое благополучно прибыло в Бассору; оттуда я вернулся в Багдад, где выручил огромное количество перца, дерева алоэ и жемчуга. Я отдал десятую часть своей прибыли на милостыню, как и по возвращении из других моих путешествий, и отдохнул от усталости.

Здесь Синдбад приказал дать Хиндбаду сто блесков и попросил его и других гостей отобедать с ним на следующий день, чтобы услышать отчет о его шестом путешествии.

ШЕСТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Я знаю, друзья мои, что вы захотите услышать, как, потерпев пять кораблекрушений и избежав стольких опасностей, я снова решился испытывать судьбу и подвергать себя новым испытаниям. Я сам удивляюсь своему поведению, когда размышляю о нем, и, должно быть, руководствуюсь своей судьбой, от которой никто не может убежать. Как бы то ни было, после годичного отдыха я приготовился к шестому плаванию, несмотря на уговоры родных и друзей, которые всячески меня разубеждали.

Вместо того чтобы отправиться в путь Персидским заливом, я еще раз проехал через несколько провинций Персии и Индии и прибыл в морской порт, где сел на корабль, капитан которого отправлялся в дальнейшее плавание, в котором он и пилот потерял курс. Внезапно мы увидели, как капитан бросил руль, издавая громкие причитания. Он сбросил тюрбан, дернул себя за бороду и бил головой, как сумасшедший. Мы спросили его о причине; и он ответил, что мы находимся в самом опасном месте во всем океане. «Быстрое течение уносит корабль с собою, и мы все погибнем меньше, чем через четверть часа. Моли Бога, чтобы избавил нас от этой опасности, нам не спастись, если Он не смилостивится над нами». При этих словах он приказал спустить паруса; но все веревки оборвались, и корабль течением отнесло к подножию неприступной горы, где оно ударилось и разбилось на куски; но таким образом, что мы сохранили наши жизни, нашу провизию и лучшее из нашего имущества.

Гора, у подножия которой мы стояли, была покрыта обломками кораблекрушений, огромным количеством человеческих костей и невероятным количеством всевозможных товаров и богатств. Эти объекты только усиливали наше отчаяние. Во всех других местах реки обычно текут из своих русел в море; но здесь река пресной воды течет из моря в темную пещеру, вход в которую очень высок и просторен. Самое примечательное в этом месте то, что камни горы состоят из хрусталя, рубинов или других драгоценных камней. Здесь также есть своего рода фонтан смолы или битума, выпадающий в море, который рыба проглатывает и вскоре после этого выбрасывает, превращаясь в амбру; и это волны выбрасывают на берег в больших количествах. Здесь также растут деревья, большинство из которых состоят из древесины алоэ, по качеству не уступающей деревьям Комари.

Чтобы закончить описание этого места, корабли не могут сойти, когда подошли на определенное расстояние. Если их гонит туда ветер

с моря их гонит ветер и течение; и если они входят в нее, когда дует сухопутный ветер, который может казаться благоприятным для их выхода, высота горы останавливает ветер и вызывает штиль, так что сила течения выносит их на берег. беда в том, что нет возможности подняться на гору или спастись по морю.

Мы продолжали идти по берегу, у подножия горы, в состоянии отчаяния и каждый день ожидали смерти. При нашей первой высадке мы разделили нашу провизию настолько поровну, насколько могли, и таким образом каждый жил дольше или меньше, в зависимости от его воздержания и того, как он использовал свою провизию.

Я пережил всех своих товарищей; и когда я похоронил последнего, у меня осталось так мало провизии, что я думал, что долго не проживу, и я выкопал могилу, решив лечь в нее, потому что некому было оказать мне последние услуги. Но Богу было угодно еще раз сжалиться надо мной и побудить меня отправиться на берег реки, впадающей в великую пещеру.

С большим вниманием рассматривая ее возможное течение, я сказал себе: «Эта река, которая течет так под землей, должна где-то иметь выход. или я погибну. Если я утону, я ничего не потеряю, а только променяю одну смерть на другую» .

Я немедленно принялся за большие куски дерева и канаты, потому что у меня был выбор из обломков, и связал их вместе так крепко, что вскоре сделал очень прочный плот. Когда я закончил, я загрузил его несколькими сундуками с рубинами, изумрудами, амброй, горным хрусталем и тюками дорогих материалов. Точно уравновесив свой груз и хорошо прикрепив его к плоту, я взошел на борт с двумя сделанными мною веслами и, оставив его по течению реки, покорился воле Божией.

Как только я вошел в пещеру, я потерял весь свет, и поток понес меня неведомо куда. Таким образом, я плыл в полной темноте и однажды обнаружил, что арка настолько низка, что почти касалась моей головы, что впоследствии заставило меня быть осторожным, чтобы избежать подобной опасности. Все это время я не ел ничего, кроме того, что было необходимо для поддержания природы; тем не менее, несмотря на мою бережливость, все мои запасы были израсходованы. Потом я стал бесчувственным. Я не могу сказать, как долго я продолжал так; но когда я пришел в себя, то с удивлением обнаружил себя на обширной равнине на берегу реки, где был привязан мой плот, среди множества негров. Я встал, как только увидел их, и отсалютовал им. Они говорили со мной, но я не понимал их языка.

Я был так восхищен радостью, что не знал, сплю ли я или бодрствую; но, убедившись, что я не сплю, я произнес вслух следующие слова по-арабски:

«Призови Всевышнего, Он поможет тебе; ни о чем другом тебе не нужно смущаться: закрой глаза, и пока ты спишь, Бог обратит твоё несчастье в добро» .

Один из негров, понимавший по-арабски, услышав мои слова, подошел ко мне и сказал: «Брат, не удивляйся, увидев нас; мы жители

эту страну, и поливайте наши поля из этой реки, которая вытекает из соседней горы. Мы видели твой плот, и один из нас вплыл в реку и принес его сюда, где мы его привязали, как видишь, пока ты не проснешься. Пожалуйста, расскажите нам свою историю. Откуда ты пришел?"

Я умолял их сначала дать мне что-нибудь поесть, а потом удовлетворил бы их любопытство. Они дали мне несколько видов пищи, и когда я утолил свой голод, я рассказал все, что случилось со мной, что они слушали с внимательным удивлением. Как только я закончил, они сказали мне через человека, который говорил по-арабски и переводил им то, что я сказал, что я должен пойти вместе с ними и сам рассказать свою историю их королю; это было слишком экстраординарно, чтобы быть рассказанным кем-либо, кроме человека, с которым произошли события.

Они немедленно послали за лошадью, и, помогая мне сесть, некоторые из них шли впереди, чтобы показать дорогу, а остальные взяли мой плот и груз и последовали за ним.

Мы шли, пока не достигли столицы Серендиба, ибо именно на этом острове я высадился. Негры представили меня своему королю; Я подошел к его трону и приветствовал его, как обычно приветствовал королей Индии; то есть я распростерся у его ног. Князь велел мне встать, принял меня с услужливым видом и усадил подле себя.

Я ничего не скрывал от короля; но относился к нему все, что я сказал вам. Наконец привезли мой плот, и тюки открылись в его присутствии: он восхищался количеством древесины алоэ и амбры; но прежде всего рубины и изумруды, ибо в его сокровищнице не было ничего равного им.

Заметив, что он с удовольствием рассматривал мои драгоценности и рассматривал одно за другим самые замечательные из них, я пал ниц к его ногам и взял на себя смелость сказать ему: "Сир, к услугам вашего величества не только моя особа, но груз плота, и я прошу вас распорядиться им как своим собственным» .

Он ответил мне с улыбкой: «Синдбад, я ничего не возьму из твоего; я не только не уменьшу твоего богатства, но намерен увеличить его и не позволю тебе покинуть мои владения без знака моей щедрости» .

Затем он поручил одному из своих офицеров заботиться обо мне, а людям приказал обслуживать меня за свой счет. Офицер очень добросовестно выполнил свое поручение и распорядился, чтобы все имущество было доставлено в предоставленное мне жилье.

Каждый день в назначенный час я отправлялся на свидание с королем, а остальное время проводил, осматривая город и то, что наиболее заслуживало внимания.

Столица Серендиба стоит в конце прекрасной долины посреди острова, окруженного высокими горами. Их видели в трех днях плавания в море.

Изобилие рубинов и нескольких видов минералов. Здесь растут всевозможные редкие растения и деревья, особенно кедры и кокосовые орехи. В устье его главной реки также ведется ловля жемчуга; и в некоторых из его долин найдены алмазы. Я совершил из благочестия паломничество к тому месту, где был заключен Адам после его изгнания из рая, и имел любопытство подняться на вершину горы.

Когда я вернулся в город, я попросил короля разрешить мне вернуться в мою страну, и он дал мне разрешение самым любезным и почетным образом. Он навязал бы мне богатый подарок; и в то же время поручил мне письмо для Повелителя правоверных, нашего государя, сказав мне: «Я прошу вас передать этот подарок от меня и это письмо халифу Гарун-аль-Рашиду и заверить его в моя дружба."

Письмо от короля Серендиба было написано на шкуре некоего очень ценного животного, очень редкого и желтоватого цвета. Буквы этого письма были лазурными, а содержание было следующим: «Король

Индий, перед которым маршируют сто слонов, который живет во дворце, сияющем сотней тысяч рубинов, и у которого в сокровищнице двадцать тысяч короны, украшенные бриллиантами, халифу Гарун-аль-Рашиду.

«Хотя подарок, который мы посылаем вам, будет незначительным, примите его, однако, как брат и друг, принимая во внимание сердечную дружбу, которую мы питаем к вам и которую мы готовы предоставить вам доказательство. Мы желаем той же части в вашей дружбе, учитывая, что мы считаем это своей заслугой, так как мы оба короли. Мы посылаем вам это письмо, как от одного брата к другому. Прощайте.

Подарок состоял, во-первых, из одного-единственного рубина, превращенного в чашу около полуфута высотой и дюйма толщиной и наполненного круглыми жемчужинами по полдрахмы каждая. 2. Кожа змеи, чья чешуя была такой же яркой, как обыкновенный кусок золота, и обладала способностью предохранять от болезней лежащих на ней. 3. Пятьдесят тысяч драхм лучшего дерева алоэ и тридцать зерен камфира размером с фисташку. И 4. Рабыня необычайной красоты, одежда которой была усыпана драгоценностями.

Корабль отплыл, и после очень удачного плавания мы высадились в Буссоре, а оттуда я отправился в город Багдад, где первым делом выполнил свое поручение.

Я взял письмо короля Серендиба и отправился предстать перед воротами Повелителя правоверных, и меня тотчас же провели к трону халифа. Я поклонился и вручил письмо и подарок. Когда он прочитал то, что написал ему король Серендиба, он спросил меня, действительно ли этот принц так богат и могущественен, как он представил себя в своем письме. Я пал ниц во второй раз и, снова поднявшись, сказал: «Повелитель правоверных, уверяю ваше величество, что он не преступает истины. Я свидетельствую ему. Нет ничего более достойного восхищения, чем великолепие его дворца. Когда принц появляется на публике, его трон закреплен на спине слона, и он едет между двумя рядами своих министров, фаворитов и других придворных.

Перед ним на том же слоне офицер несет в руке золотую пику; а за ним другой, который стоит с золотым жезлом, на вершине которого находится изумруд длиной в полфута и толщиной в дюйм. Его сопровождает охрана из тысячи человек, одетых в золотые и шелковые одежды, верхом на слонах в богатой попоне. Офицер, который перед ним на том же слоне, время от времени кричит громким голосом: «Вот великий монарх,

могущественный и грозный султан Индии, монарх более великий, чем Соломон, и могущественный Махараджа» .

«После того как он произнес эти слова, офицер за троном, в свою очередь, восклицает: «Этот монарх, такой великий и такой могущественный, должен умереть, должен умереть, должен умереть!» И офицер прежде отвечает: «Хвала только тому, кто живет во веки веков» .

Калиф был очень доволен моим отчетом и отправил меня домой с богатым подарком.

Здесь Синдбад приказал заплатить Хиндбаду еще сто блесков и умолял его вернуться завтра, чтобы послушать его седьмое и последнее путешествие.

СЕДЬМОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

По возвращении домой из шестого плавания я совершенно оставил все мысли о том, чтобы снова выйти в море; ибо, помимо того, что мой возраст теперь требовал отдыха, я решил больше не подвергать себя таким опасностям, с которыми столкнулся, так что я не думал ни о чем, кроме как провести остаток своих дней в спокойствии. Однако однажды ко мне обратился офицер халифа. «Халиф, — сказал он, — послал меня сказать вам, что он должен поговорить с вами» . Я последовал за офицером во дворец, где, будучи представленным халифу, отсалютовал ему, простершись у его ног.

«Синдбад, — сказал он мне, — я нуждаюсь в ваших услугах; вы должны отнести мой ответ и представить его королю Серендиба» .

Этот приказ халифа был для меня подобен удару грома. «Повелитель правоверных, — ответил я, — я готов сделать все, что ваше величество сочтет нужным приказать, но я умоляю вас самым смиренным образом подумать о том, что мне пришлось пережить. Я также дал обет никогда не покидать Багдад» .

Увидев, что халиф настаивает на моем подчинении, я подчинился и сказал ему, что готов подчиниться. Он был очень доволен и заказал мне тысячу блесков на дорогу.

Я готовился к отъезду через несколько дней. Как только письмо и подарок халифа были доставлены мне, я отправился в Бассору, где сел на корабль и совершил очень удачное путешествие. Прибыв на остров Серендиб, меня с большой пышностью провели во дворец, где я распростерся на земле перед королем. «Синдбад, — сказал король, — добро пожаловать; я много раз думал о тебе; я благословляю день, когда увижу тебя еще раз» . Я сделал ему комплименты, и поблагодарил его за доброту, и передал подарки от моего августейшего владетельца.

Письмо халифа было следующим:

«Приветствие от имени Верховного Руководителя Праведного Пути от раба Божия Гарунар-Рашида, которого Бог поставил наместником Своего Пророка после его предков. счастливой памяти могущественному и уважаемому Радже Серендиба.

«Мы с радостью получаем ваше письмо и посылаем вас из нашей императорской резиденции, сада высшего ума. Мы надеемся, что, когда вы посмотрите на него, вы поймете наше доброе намерение и будете им довольны. Прощайте» .

Подарком халифа был полный костюм из золотой парчи стоимостью в тысячу блесков; пятьдесят одежд из богатого материала; сотня белых тканей, лучших из Каира, Суэца и Александрии; сосуд из агата, более широкий, чем глубокий, толщиной в дюйм и шириной в полфута, на дне которого барельеф изображал человека, стоящего на земле одним коленом, который держал лук и стрелу, готовую выстрелить в любой момент. Лев. Он прислал ему также богатую табличку, которая, по преданию, принадлежала великому Соломону.

Король Серендиба был очень доволен признанием халифа его дружбы. Через некоторое время после этой аудиенции я попросил разрешения уйти и с большим трудом добился его. Король, отпустив меня, сделал мне весьма значительный подарок. Я немедленно отправился обратно в Багдад, но мне не посчастливилось прибыть туда так быстро, как я надеялся. Бог распорядился иначе.

Через три или четыре дня после нашего отплытия на нас напали пираты, которые легко захватили наш корабль, потому что он не был военным кораблем. Часть экипажа оказала сопротивление, что стоило им жизни. Но меня и остальных, которые были не столь неосторожны, спасли пираты, и унесли на отдаленный остров, где и продали.

Я попал в руки богатого купца, который, как только купил меня, взял меня к себе в дом, хорошо со мной обходился и красиво одел, как рабыню. Несколько дней спустя он спросил меня, понимаю ли я какую-нибудь торговлю. Я ответил, что я не механик, а торговец, и что пираты, продавшие меня, украли у меня все, что у меня было. «Скажи мне, — ответил он, — ты умеешь стрелять из лука?» Я ответил, что лук был одним из моих упражнений в юности. Он дал мне лук и стрелы и, взяв меня за собой на слоне, повез в густой лес за несколько лье от города. Мы углубились в лес, и когда он счел нужным остановиться, он приказал мне выйти; Потом, показывая мне большое дерево, сказал он: «Взлезай на него и стреляй в слонов, когда увидишь, как они проходят мимо, потому что в этом лесу их огромное количество, и если кто-нибудь из них упадет, приходи и предупреди меня». Сказав это, он оставил мне съестные припасы и вернулся в город, а я провел на дереве всю ночь.

Ночью я не видел слонов, но на следующее утро, на рассвете, заметил их большое количество. Я выпустил в них несколько стрел, и, наконец, один из слонов упал, когда остальные немедленно удалились, предоставив мне свободу идти и сообщить моему покровителю о своем успехе. Когда я сообщил ему об этом, он похвалил мою ловкость и очень приласкал меня. Потом мы вместе пошли в лес, где выкопали для слона яму; мой покровитель задумал вернуться, когда все испортится, и взять его зубы для торговли.

Я продолжал эту работу в течение двух месяцев. Однажды утром, высматривая слонов, я с крайним изумлением заметил, что вместо того, чтобы, как обычно, пройти мимо меня через лес, они остановились и с таким ужасным шумом приблизились ко мне, что равнина покрылась и сотряслась под ними. Они окружили дерево, в котором я был спрятан, с поднятыми стволами, и все устремили на меня глаза. При этом тревожном зрелище я оставался недвижим и был так напуган, что мой лук и стрелы выпали у меня из рук.

Мои опасения были небезосновательны; ибо после того, как слоны некоторое время глазели на меня, один из самых больших из них обхватил хоботом подножие дерева, сорвал его и бросил на землю. Я упал вместе с деревом, и слон, подхватив меня своим хоботом, уложил на спину, где я сидел скорее мертвый, чем живой, с колчаном на плече. Он встал во главе остальных, которые следовали за ним в шеренге, один за другим, пронесли меня довольно далеко, затем уложили на землю и удалились со всеми своими спутниками.

Полежав некоторое время и увидев, что слоны ушли, я встал и обнаружил, что стою на длинном и широком холме, почти покрытом костями и зубами слонов. Я не сомневался, что это было место захоронения слонов и что они нарочно принесли меня туда, чтобы сказать мне, чтобы я не убивал их, так как теперь я знал, где взять их зубы, не причинив им вреда. Я не остался на холме, а повернул к городу; и, пройдя день и ночь, я пришел к своему покровителю.

Как только мой покровитель увидел меня, "Ах, бедный Синдбад!" — воскликнул он. — Мне было очень трудно узнать, что с тобой стало. Я был в лесу, где нашел только что вырванное дерево, а твой лук и стрелы валялись на земле, и я отчаялся когда-либо увидеть тебя больше. , Пожалуйста, скажите мне, что случилось с вами ". Я удовлетворил его любопытство, и на следующее утро мы оба отправились на холм. Мы нагрузили слона, который нес нас, настолько большим количеством зубов, сколько он мог вынести; и когда мы вернулись, мой господин так обратился ко мне: «Послушайте, что я вам скажу. Слоны нашего леса каждый год убивали нам множество рабов, которых мы отправляли искать слоновую кость. Несмотря на все предостережения, которые мы могли дать им, эти хитрые животные раз за разом уничтожали их. Бог избавил вас от их ярости и только вам даровал эту милость. Это знак того, что Он любит вас и находит какую-то пользу в вашем служении в этом мире. Вы добыли мне невероятное богатство; и теперь весь наш город обогащается на ваши средства, не подвергая больше жизни наших рабов. После такого открытия я могу относиться к тебе уже не как к рабу, а как к брату. Дай Бог вам всем счастья и процветания. Отныне я даю вам свободу; Я также дам тебе богатство» .

На это я ответил: «Учитель, храни вас Бог. Я не желаю никакой другой награды за службу, которую я имел счастье оказать вам и вашему городу, кроме как уйти, чтобы вернуться в мою страну» . «Очень хорошо, — сказал он, — сезон дождей принесет корабли за слоновой костью. Тогда я отправлю вас домой» . Я остался с ним, ожидая сезона дождей; и за это время мы совершили столько поездок на холм, что наполнили все наши склады слоновой костью. То же самое делали и другие купцы, торговавшие ею, ибо мой господин сделал их участниками своего состояния.

Наконец прибыли корабли, и мой господин сам, выбрав корабль, на который я должен был сесть, нагрузил половину его слоновой костью за мой счет, в изобилии запасся провизией для моего путешествия и, кроме того, обязал меня принять в подарок некоторые курьезы страны большой ценности. Выразив ему тысячу благодарностей за все его услуги, я поднялся на борт. Мы остановились на некоторых островах, чтобы подкрепиться свежей провизией. Наше судно подошло к порту на материке в Индии, и мы причалили там, и, не желая рисковать морем в Бассору, я высадив свою долю слоновой кости, решив продолжить свое путешествие по суше. На слоновой кости я нажил огромные суммы, купил несколько раритетов, которые

Я собирался получить подарки и, когда мой экипаж был готов, отправился вместе с большим караваном купцов. Я долго был в пути, и много страдал, но был счастлив, думая, что мне нечего бояться морей, от пиратов, от змей и от других опасностей, которым я подвергся незащищенный.

Наконец я благополучно добрался до Багдада и немедленно стал ждать халифа, чтобы дать ему отчет о моем посольстве. Он осыпал меня почестями и богатыми подарками, и с тех пор я посвятил себя своей семье, родственникам и друзьям.

На этом Синдбад закончил рассказ о своем седьмом и последнем путешествии, а затем обращаясь к Хиндбаду: «Ну, друг, — сказал он, — слышал ли ты когда-нибудь о каком-нибудь человеке, который страдал так же, как я? Разве не разумно, что в конце концов я должен наслаждаться спокойной и приятной жизнью?» Говоря эти слова, Хиндбад поцеловал ему руку и сказал: «Сэр, мои страдания не идут ни в какое сравнение с вашими. Вы не только заслуживаете спокойной жизни, но и достойны всех богатств, которыми владеете, так как вы так хорошо используете их. Чтоб ты жил долго и счастливо» . Синдбад приказал заплатить ему еще сто блестящих и велел дать носить ношу в качестве носильщика и впредь есть за его столом, ибо он желал чтобы он всю жизнь имел основания помнить, что отныне у него друг в Синдбаде-мореходе.

КОНЕЦ

О бесплатных детских книгах

Эта классическая книга была составлена издательством Free Kids Books,

<http://www.freekidsbooks.org>

Free Kids Books предлагает множество новых оригинальных, творческих и классических книг. детские книги – скачать бесплатно и читать онлайн, в радость читать и продвигать

грамотность.

Просто предоставляйте отличные бесплатные детские книги для всех, чтобы ими можно было делиться и наслаждаться — без каких-либо условий.

Материал, содержащийся в книге, является общественным достоянием и не подлежит

Авторские права.

Вы можете поделиться этим материалом — пожалуйста, дайте ссылку и направьте людей на исходный пост на наш сайт.